

Андрей Курков

добрый
АНГЕЛ
смерти

 FOLIO

Андрей Курков
Добрый ангел смерти

«Фолио»

1998

Курков А. Ю.

Добрый ангел смерти / А. Ю. Курков — «Фолио», 1998

В руки главного героя остросюжетного романа Андрея Куркова "Добрый ангел смерти" Николая Сотникова попали некие таинственные документы. Скрываясь от людей, которые во что бы то ни стало хотят завладеть этими документами, он отправляется в путешествие к Каспийскому морю. Поездка оказывается очень рискованной и кардинально меняет жизнь героя.

© Курков А. Ю., 1998

© Фолио, 1998

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	14
5	16
6	18
7	20
8	23
9	25
10	26
11	28
12	30
13	31
14	33
15	34
16	39
17	41
18	44
19	46
20	48
21	51
22	53
23	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Курков

Добрый ангел смерти

1

Ранней весной тысяча девятьсот девяносто седьмого года, продав двухкомнатную квартиру на окраине, я покупал себе однокомнатную в самом центре Киева у Софиевского собора. Старички, продававшие ее, отъезжали в Израиль и пытались вместе с квартирой продать мне десятки ненужных мелочей, вроде самодельной проволочной вешалки в коридоре. Григорий Маркович, глава семьи, усердно приговаривал: «Я знаю всему цену! Я лишнего не возьму». Кое-что я купил, но от большей части вещей и вещичек отказался. Купил я и полочку с книгами – она именно так и продавалась, чтобы не снимать ее со стены и не нести книги в «Букинист» – зачем такая морока. Не знаю, какая часть уплаченных пяти долларов пришлась на книги, а какая на полочку, но во всяком случае книги я особенно не рассматривал, отметив взглядом лишь академическое издание Льва Толстого «Война и мир». Эта книга была большого формата и, должно быть, пятидесятих годов издания. Такие книги я любил если не за содержание, то за добротный солидный вид.

Двенадцатого марта наступил момент передачи ключей. Я приехал под вечер. У парадного стоял микроавтобус, присланный агентством «Сохнут». Старички грузились. Им учтиво помогали два представителя агентства.

– Ну, Коля Сотников, – сказал я себе, оставшись один в приобретенной квартире, – теперь ты хозяин этой развалины!

Я еще раз окинул взглядом трещины, думая о необходимом ремонте. Потом подошел к книжной полочке, достал запомнившуюся большим форматом книжку и раскрыл ее. Под переплетом меня ожидал сюрприз. Способом, известным мне из шпионских фильмов, в книге был вырезан тайник, в котором, однако, не было ни золота, ни оружия. Внутри, в аккуратно вырезанной нише, лежала другая книга, более позднего года издания – «Кобзарь».

Удивленный, я вытащил ее и, думая, что и тут под переплетом скрывается нечто неожиданное, раскрыл. Но в этот раз книга оказалась настоящей, не превращенной в шкатулку. Пролистав несколько страниц, я собирался уже было сложить эту книжную матрешку и поставить ее на место, с тем, чтобы когда-нибудь удивить своих будущих гостей, но тут взгляд мой упал на написанные острым карандашом по краям книги комментарии. Держа раскрытый «Кобзарь» в руках, я подошел поближе к лампе и прочитал несколько аккуратных строк: «Патриотизм Т.Г. воспринимал как любовь к женщине и ненависть к армейской службе и особенно к бездумной муштре».

«Уж ни какой-нибудь ли диссидентствующий учитель литературы делал эти заметки?» – подумал я, вспомнив про свой собственный учительский опыт.

После пединститута я сам отработал положенные три года «историком» в сельской школе, но за все это время мне так и не удалось привить здоровым, краснощеким детям доярок и трактористов ни интереса к истории, ни желания разгадать многочисленные исторические загадки и тайны, выуженные мною из массы проработанных с карандашом в руке книг.

На Григория Марковича как на автора этих комментариев было грешно подумать. Он сам был отставным военным и весьма этим гордился. Я как-то застал его за упаковкой своих медалей – он разложил их на столе и заворачивал каждую в отдельный носовой платок, которых у него, похоже, было множество, куда больше, чем медалей.

Показывая мне одну из медалей, он сказал:

– Я брал Прагу!

«Заметила ли это Прага?» – подумал я в тот момент, едва сдержав улыбку, глядя на этого сухого, маленького и до сих пор юркого девяностолетнего старичка.

Грязная кухня тоже нуждалась в ремонте. Ее надо было отмыть от старых хозяев – вещам, да и самим стенам почему-то передается возраст их владельцев, и поэтому, чтобы не ощутить себя вдруг постаревшим, надо менять поверхности и цвета, добавлять свежести. Может быть, вовремя сделанный ремонт продлевает жизнь не только квартире, но и ее жильцам?

Я поставил чайник на закопченную газовую плиту и снова стал листать книгу, думая об этих странных записях. На одной из страниц попала мне замечательная и созвучная моим размышлениям мысль: «Патриотизм голодного – это попытка забрать лопоту хлеба у инородца, патриотизм сытого – великодушие, вызывающее уважение».

Мне очень хотелось понять – что за человек писал эти комментарии к «Кобзарю», хотелось найти свидетельства времени, когда все это было написано. Моя нынешняя работа – ночным сторожем по гуманному принципу «ночь-через-две» – не требовала использования мозгов. И мозги скучали. А тут такой загадочный «подарок», лучше любой головоломки или кроссворда!

Я листал и листал, как листают книгу перед тем, как решиться ее не просто прочитать, а проштудировать с тетрадью и ручкой. Промелькнула еще одна мысль: «Абсолютный патриот не признает ни национального большинства, ни национального меньшинства. Его любовь к женщине сильнее любви к родине, потому что женщина, отвечающая взаимностью, и есть символ родины, идеал абсолютного патриота. Защита женщины, отвечающей взаимностью на любовь, и есть высшее проявление патриотизма».

В другом месте, под одним из стихотворений, была чисто дневниковая запись: «16 апреля 1964 года. Встретил Львовича в пивной напротив ломбарда. Рассказал ему о подготовленной рукописи. Он захотел прочитать – но обойдется. После провокации в кинотеатре даже его рука кажется слишком влажной для рукопожатия. И потом эта привычка все время оглядываться по сторонам».

Я сидел до полуночи, потом сложил «книжную матрешку» и поставил обратно на полку.

На следующий день я заехал к знакомому скульптору, человеку, знавшему Киев последних тридцати лет почти поименно.

– Пивная напротив ломбарда? – переспросил он. – Конечно, там теперь кафе «Русский чай». Нет, извини, уже не «Русский». Или просто «Чай», или... Там уже все не то, и кругом не те...

– А ты не знал в то время какого-нибудь «Львовича».

Скульптор задумался.

Его двухэтажная мастерская была заполнена громадинами еще необработанных камней, макетами, небольшими скульптурами и множеством фотографий, приклеенных к стенам, будто вместо обоев. К этим фотографиям он и подошел, встав из-за низкого обеденно-журнального стола.

– Здесь есть многие из той пивной, но я не помню... Львович... Львович... Не думаю, что это кто-то из завсегдадаев компании. Туда приходило много «разовых», и хоть они появлялись довольно часто, но «своими» не стали. Может, это один из них? Я еще попробую вспомнить, но не сегодня. Нужна очень дождливая погода или гроза – тогда отлично вспоминается...

– Я позвоню и напому при первой же грозе, – пообещал я на прощанье.

Ремонт новой квартиры двигался медленно и, можно сказать, бестолково. Знакомые, обещавшие помочь мне покрасить стены, неожиданно пропали, и остался я один на один со стенами и с множеством банок матовой белой краски. Сам начинать красить я боялся, поэтому и занимался разной мелочовкой, отдираньем лоскутов старой краски с труб в ванной и прочей чепухой.

Неожиданно позвонил скульптор.

– Ты знаешь, он умер вчера, этот Львович, если это, конечно, он. Мне позвонил какой-то старый знакомый, просил помочь на похоронах – некому гроб нести. Если хочешь, поехали вместе!

Предложение было и неожиданным, и странным.

– Но ведь я его не знал... – вырвалось у меня.

– Но ты ведь его разыскивал! Я тоже, кажется, его не знал, – сказал скульптор. – Больше того, я не мог вспомнить этого Алика, который мне позвонил. Он уверяет, что мы знакомы по той пивной...

Ехать на свидание с покойником, к которому у меня оставались незадаанные вопросы, казалось делом по меньшей мере глупым. Но я согласился.

Хоронили его на Берковцах. Точнее не хоронили, а «подхоранивали» к уже устроившимся там навечно родственникам. Желтое высохшее лицо ни о чем не говорило. И скульптор, наклонившись к моему уху возле могилы, прошептал:

– Что-то я его не узнаю.

Однако Алик, организовавший эти похороны, напомнил скульптору несколько эпизодов из далекого прошлого. И скульптор кивнул. Потом они в моем присутствии упомянули пару имен.

Я набрался смелости и спросил у пожилого Алика о человеке, интересовавшемся творчеством Тараса Шевченко и вопросами патриотизма. Объяснил ему, что это был знакомый покойного Львовича.

Алик почесал за ухом. Помолчал. Пожал плечами.

– Потом, – наконец произнес он. – Ты ж на поминки идешь?

Я кивнул.

Поминки, как выяснилось очень скоро, организовал скульптор у себя в мастерской. Человек семь сидели вокруг обеденно-журнального стола. Скульптор на стоявшей в углу электроплитке смачно жарил говяжью печенку. Остальные, не дожидаясь закуски, пили водку. Молча пили, без тостов, даже без вздохов.

Ожили немного, когда первая порция жареной печенки появилась на столе. Скульптор высыпал на стол вилки. Положил хлеб. Трапеза приобрела более живой характер, и кто-то первым заговорил о покойном, тут же перейдя на живых и закончив полубесвязную речь мыслью о том, что раньше было лучше.

– Да, – согласился кто-то другой.

Поминки прошли как положено. Все разошлись пьяные. О покойном худого слова сказано не было. О нем вообще, один раз упомянув, больше не говорили. Когда встали из-за стола размяться, один из гостей узнал себя молодого на одной из старых фотографий.

– О! – воскликнул он и недоуменно выпятил губы, словно был в обиде на себя тридцатилетней давности.

Я подошел и задал ему тот же вопрос – о человеке, увлекавшемся Шевченко и вопросами патриотизма.

– Ну да, – сказал он, – тогда многие увлекались такими вопросами.

– А рукописи об этом кто-то писал?

– Писали, конечно писали, а как же. Самиздат! А толку? Вот кто не боролся, тот и не проиграл.

Он что-то еще нес и нес, пока вдруг не сказал:

– А были и мистификаторы, одного такого помню – Клим, делал вид, будто что-то философское пишет. Все у него просили почитать, а он рукопись достанет, перед носом пролистает и снова в портфель спрячет. А сам сидел дома на кухне и стихи Пушкина от руки прозой переписывал, ну так, чтоб не столбиками, а сплошной строчкой...

– А где он сейчас? – спросил я, подумав, что это вполне мог быть автор комментариев к «Кобзарю».

– Клим? Черт его знает. Видел я его как-то в скверике возле университета. Там, знаешь, собираются и в шахматы на деньги играют. Года два назад. А больше не встречал.

Каждое общество закрыто по-своему. Пчеловоды собираются и говорят о только им одним понятных вещах. И наверно, еще долго будут решать – принять кого-то в члены своего общества или нет. Шахматисты – тоже не исключение. Те, что играют около университета, друг друга знают, а с остальными на аккуратном «вы» разговаривают. И играют с чужаками только на деньги.

Я несколько раз обошел кружки шахматистов и шашечников, облепивших скамейки скверика. На меня никто не обратил внимания. Каждый кружок неподвижно следил за доской, находившейся в центре. На играющих не смотрели, их присутствие было словно какой-то досадной необходимостью. Не было понятно – кто за кого болеет и болеет ли вообще. Изучалась в таинственном молчании сама ситуация на доске, и именно она была главным действующим лицом.

Климу сейчас должно было быть шестьдесят с лишним, и большинство членов неформального шахматно-шашечного клуба отвечали этой характеристике. Игра проходила молча, и поэтому даже случайно услышать, как кого зовут, не представлялось возможным. И я просто прильнул к одному кружку и стал терпеливо ждать развития событий, пытаюсь «втереться» всем телом в доверие к этим фанатикам доски.

Странное состояние необъяснимого транса вдруг овладело мной, и я, видимо, действительно стал на время частью этого шахматно-шашечного живого организма.

Просуществовав в таком состоянии около часа, пока игра не закончилась, вместе с остальными охваченными шахматным трансом фигурами, я вдруг выдохнул свое оцепенение и, расправив позвоночник, понял, что часовое коллективное стояние сроднило меня с этими людьми. Я плохо играл в шахматы и вряд ли бы смог даже элементарно прокомментировать закончившуюся партию, но зато другие могли, и я оказался благодарным слушателем. Правда, сначала два старичка чуть не передрались между собой, споря о якобы ошибочном ходе слона. Мое неучастие в их споре сыграло положительную роль, и они основательно взялись за меня, повторив на память основные ходы партии.

– А кто играл-то? – спросил я под конец, чувствуя, что уже имею право на вопрос.

– Филя с Мишей... – ответил один из них, повыше и по-сутулее. – Они из новых, недавно тут.

Я спросил, а играет ли еще Клим.

– Ну, Клим! – Второй старичок сделал одесский жест, подняв руками огромный невидимый арбуз. – Клим играет, но когда он играет – такие глупости, – и он кивнул в сторону опустевшей скамейки, – не случаются.

Через пять минут я уже знал, что Клим живет в коммуналке на Шота Руставели, в скверик приходит иногда по пятницам, больше не пьет из-за больной печени и перестал разводить аквариумных рыбок, а поэтому неизвестно, на что он теперь живет.

Уходил я, чувствуя, что уже стал членом этого клуба. Оставалось только научиться нормально играть в шахматы или в шашки. Но мне это не грозило. И времени было жалко, да и вообще не любил я медленные игры.

2

В пятницу с утра я снова листал «Кобзарь», упиваясь карандашными комментариями.

«Мягкость родной земли не отличается от мягкости чужой земли, потому как любая земля была предосновой человечества и не могла распределяться между нациями соответственно качеству этих наций».

Удивляла меня даже не сама ясность формулировки, а именно предмет мысли, словно человек, это писавший, только отталкивался от чувств и рифм Тараса Шевченко для того, чтобы сказать о собственном наболевшем. Хотя почему его это так волновало в те благополучные шестидесятые годы? Националистом он не был, иначе и записи были бы на украинском. Русский шовинизм здесь тоже отсутствовал, так как кроме собственных мыслей присутствовало здесь и уважение, сострадание, а может быть, даже и любовь к Шевченко. В какой-то момент я подумал, что его мысли могли быть близки мыслям Ленина – особенно о полном отсутствии наций и национальностей в будущем. Но тут же представил себе, что сказал бы Ленин по поводу того, что любимая женщина и есть Родина? Нет, не думаю я, что согласился бы Великий Картавый с этим утверждением, какой бы красивой в юности Крупская ни была.

Но время шло, и я, отложив книжку, но помня о ней, стал собираться в университетский скверик на дальнейшие поиски автора этих комментариев. Интуиция подсказывала мне, что Клим сегодня там будет. И не только интуиция – за окном светило солнце, пели птицы. Было бы глупо сидеть в такую погоду дома, особенно если дом – это комната в коммунальной квартире на шумной от трамваев улице Шота Руставели.

В скверике я его и нашел. Сначала разыскал двух старичков, которые меня уже знали. Они мне и показали пальцем на одну из скамеек, где шел бессрочный шахматный чемпионат университетского скверика. Определить, кто из игроков был Клим, труда не составило, так как второму было не больше сорока.

Подождав окончания партии, за которой следило не меньше двадцати членов «клуба», я подошел к Климу. Нелегкая победа, очевидно, принесла ему ощущение сытости, и хотя все болельщики сразу после окончания партии рассосались к другим игровым скамейкам, даже не поздравив его, сам победитель торжествовал – его впалые глаза на худом скуластом лице горели молодостью и задором.

– Хорошо вы его! – сказал я Климу вместо приветствия.

– Да, неплохо, – согласился он. – Но Витек тоже способный!.. А я его измором!..

Вдаваться глубже в шахматные разговоры я побоялся, дабы не быть посрамленным, и сразу же перешел к делу.

– Вы Львовича помните? – спросил я у все еще счастливо улыбавшегося Клима.

Улыбка на его лице замерла.

– Конечно, помню... – сказал он, прищуренно глядя на меня. – А вы что, его родственник?

– Нет.

– А немного похожи...

Разговор покатился под откос, и надо было его или заканчивать, или же взять под контроль.

– Мне кажется, ко мне случайно попала одна ваша рукопись... – сказал я.

– Да ну? – удивился старик Клим. – Это какая же?

– Ну не совсем рукопись, а комментарии к «Кобзарю» Шевченко... кстати, очень интересные.

Старик дотронулся до своего плохо выбритого подбородка и снова пристально глянул на меня.

– Комментарии?.. – повторил он вслух. – Это не мое... Я писал другие комментарии...
А этот «Кобзарь» тоже к вам попал?

– Да, комментарии ведь на его полях...

– А что за книга? Обычная? Какое издание? – осторожно спросил старик.

– Не совсем обычная... Вроде матрешки. Вложенная в том Толстого.

Старик кивнул и снова улыбнулся, глядя на асфальт под ногами.

– Ишь ты, выплыла! – тихонько проговорил он.

Потом снова поднял голову, посмотрел на меня уже не пристально, а как-то спокойно и расслабленно.

– Если у вас есть деньги на бутылочку сухого, приглашаю вас в гости!

Деньги у меня были, так что после недолгого следования по маршруту: скверик – гастронорм – ул. Шота Руставели, мы оказались в просторной комнате с высоким потолком, утяжеленным лепниной и зигзагами трещин. В комнате стояли два шкафа – книжный и платяной, оба старые, добротных пятидесятых. А вот маленький столик, скорее годный для кухоньки какой-нибудь микрометражной квартиры, смотрелся в этой комнате карликом-уродом.

Старик вручил мне ножик.

– Вскройте «сухарик»! – сказал он и вышел в коридор.

Вернулся с двумя стаканами.

– А вы, как порядочный человек, меня в гости позовете? – спросил он вдруг с улыбкой.

– Конечно, – пообещал я.

– Тогда я вам кое-что покажу! – Старик отошел к книжному шкафу, открыл дверцу.

– Вот. – Он вытащил с нижней полки толстенный том.

Я взял книгу в руки – это было академическое издание «Кобзаря». Приятная шершавость коленкора порадовала руки – есть вещи и вещества, прикосновение к которым приносит чуть ли не физическое удовольствие.

– Вы откройте. Откройте! – проговорил старик.

Я открыл. Передо мной снова была книга-матрешка. В вырезанном нутре «Кобзаря» лежала другая книга, поскромнее, хотя тех же лет издания: Достоевский, «Идиот».

Я поднял вопросительный взгляд на Клима.

Он улыбался, но не мне, а скорее своему прошлому, внезапно потревоженному моим появлением.

Какая-то смутная догадка заставила меня вдруг вытащить книжку Достоевского из ее удобного тайного лежбища и пролистать. И – догадка оказалась правильной – на полях «Идиота» замелькали карандашные комментарии, только почерк здесь был покрупнее.

– Это вы писали? – спросил я Клима.

– Ну я, – сказал он, усаживаясь за маленький прямоугольный столик.

– А «Кобзарь»?.. – Я потянулся рукой к бутылке и принялся разливать рислинг по стаканам, одновременно выстраивая свои мысли в некий логический порядок.

– «Кобзарь»? Нет, по «Кобзарю» писал другой... – протянул старик, беря в руку стакан.

– Львович? – спросил я, провоцируя его на более активные воспоминания.

– Почему Львович? Львович выбрал «Мертвые души».

– Послушайте, – заговорил я, ощущая, как голова моя тонет в сочном тумане непонимания происходящего и происходившего. – У вас что, литературный кружок был?

– Не литературный, а философский, – поправил меня старик. – И не был, а есть... По крайней мере, пока я жив. Я – сам себе кружок!

– Ну а все-таки, кто писал комментарии к «Кобзарю»? – спросил я.

– Слава Гершович... Царство ему небесное...

– Он что, умер?

– Убили... Током убили. – Старик скорбно склонил голову. – Хороший был парень! Светлая голова. Еще до этих Кашпировских и экстрасенсов он все про эти штуки знал... Поэтому его и убили...

Туман опять закружился вокруг моей головы.

– Причем здесь «Кобзарь» к экстрасенсам? – спросил я, находясь уже в полном недоумении.

– Ну здравствуйте! – Старик посмотрел на меня, как на идиота. – А что такое, по-вашему, высокая литература? Просто буквы да метафоры? Это же и есть средство передачи духовного тока, как бы проводник! Захотели зарядиться мрачной глубокой энергией – открыли книжку Достоевского. Захотели очиститься и побыть в просветленном состоянии – берете в руки прозу Тургенева... Это идиоты типа Кашпировского превратили все в лечение геморроя по телевизору! Но, поверьте, праздник святого Йоргена уже заканчивается, и опять останется литература как единственный проводник любого вида биоэнергии.

– Ну а какую энергию передает «Кобзарь»? – спросил я.

– Об этом лучше было спросить Гершовича... Но там, я вам скажу, дело посерьезнее, с этим «Кобзарем» и с самим Шевченко... Там такое дело... Ну, из-за этого его и убили...

– Из-за чего?

Старик допил вино. Снова погладил себя по колючему и дряблему подбородку.

– Из-за того, что Гершович вычислил, где спрятано что-то очень ценное для украинского народа... Вы это так не поймете! И не думайте, что я из ума выжил! Был бы сейчас жив Гершович – он бы вам в пять минут все объяснил!

– Ну а рукописи какие-нибудь этого Гершовича остались? – с надеждой спросил я.

– Рукописи? Была одна рукопись и письмо в ней... – Старик закивал в такт собственным словам. – Мы с Львовичем рукопись ему в гроб под голову положили...

– И не читали?

– Нет. Он так попросил. Он нам многое рассказывал, все, о чем думал, рассказывал. И письмо это мы видели. В письме и говорилось об этом, о зарытом... Самого Шевченко письмо, с Мангышлака... Может, из-за письма его убили?! Ведь в ту ночь, а это был шестьдесят седьмой год, когда его убили, кто-то и в квартиру его залазил. Хрустальную вазу украли, перевернули все вверх дном... А папку не нашли! Он ее у Гриши, мужа своей сестры, прятал. Это уже потом мы ее у Гриши взяли и ему в гроб под голову положили.

– У Григория Марковича?

– Ну да! – Глаза у старика Клима вдруг загорелись. – Так вы Григория Марковича родственник?

– Да ничей я не родственник! Мне просто интересно.

– Ну, за «просто интересно», молодой человек, можно дорого заплатить!

Последнюю фразу старика я пропустил мимо ушей.

Туман вокруг моих мыслей немного рассеялся. Первая обнаруженная связь между покойным Гершовичем и отбывшим в Израиль Григорием Марковичем подзадорила мое любопытство.

– Я бы продал вам эту книгу? – с какой-то странной интонацией проговорил вдруг старик. – Аквариумы я уже продал, осталось совсем немного тут... – и он оглянулся по сторонам.

– Книгу? – переспросил я. – Вы что, уезжаете?

– Нет, ухожу... Не сейчас, конечно... Чуть позже. Помните, как Толстой умер?

Я кивнул.

– Я его люблю... – сказал старик. – Читал его много раз, хотел научиться у него жизни, но не вышло... Так хоть смерти у него научусь. Замечательная у него была смерть... Не правда ли? Я пойду отсюда до Конотопа. Так, чтобы не дойти... Вы меня понимаете?

Я выпил второй стакан вина, но «сухарь» был слабоват, чтобы помочь мне расставить эти фрагменты прошлого по своим местам и склеить их, как античную амфору. Нет, конечно, я понимал, что все эти люди, которых представлял сейчас в качестве своеобразного депутата старик Клим, были свихнутыми шестидесятниками, искателями смысла в литературе и философии в жизни. Мне, представителю другого поколения, было трудновато говорить с ним. Мы употребляли одни и те же слова, но он придавал этим словам явно больше смысла, чем я. Думаю, что только вино мы с ним воспринимали одинаково. Вино из одной бутылки не могло быть разным в двух стаканах.

Старик достал из книжного шкафа карту Украины и показал жирную карандашную линию, бежавшую вдоль обозначенной железной дороги. «Вот тут я пойду», – говорил он, ведя пальцем по своей линии и останавливая палец всякий раз, когда доходил он до очередной железнодорожной станции.

В какой-то момент я почувствовал, что старик меня перегрузил. Я записал его телефон и пообещал в ближайшие дни угостить вином у себя в новой квартире.

– Ну а книгу хотите купить? – спросил он еще раз напоследок, когда я уже подошел к дверям.

– А сколько вы хотите? – спросил я.

– Сто гривен! – гордо заявил он с таким видом, будто намеренно назвал неприемлемую цену, притом не для того, чтобы продать задорого, а чтобы показать бесценность предмета.

– У меня столько с собой нет, – сказал я и тут же в ответ услышал что-то вроде вздоха облегчения.

3

Через день старик Клим побывал у меня в гостях. Мы выпили две бутылки сухого вина, и, пока пили, разговор не умолкал. То, что я услышал от старика, взбудоражило мое слегка пьяное воображение. Покойный Слава Гершович, похоже, открыл какую-то тайну – то ли философскую, то ли более материальную, из-за чего и был убит самодельным электроразрядным устройством. Судя по всему, эта тайна, которая привела его к столь необычной смерти, полностью или частично заявила о себе в том самом письме Шевченко с Мангышлака, неизвестно как попавшем ему в руки и потом вместе с его же рукописью и телом захороненном на кладбище в Пуще-Водице.

Первая же мысль моя не могла не оказаться в некотором смысле богопротивной – захотелось извлечь из гроба и рукопись, и письмо, чтобы удостовериться в наличии тайны, в которую так свято верил старик Клим. В криминалистике довольно часто встречается слово «эксгумация». Но касается оно всегда извлечения из могилы захороненного тела. Моя мысль об эксгумации рукописи и письма была чем-то менее противным и грязным, хотя, зная, что рукопись с письмом лежат под головой Гершовича, трудно было представить себе, как приподнять эту голову, не дотрагиваясь при этом до самой сути смерти, самого вещества, которое иначе, чем мертвым, и не назовешь.

В понедельник – день всеми нелюбимый – я отправился на трамвае в Пущу-Водицу.

На кладбище, как я и предполагал, было пустынно. Легкий ветерок раскачивал длинные мачтовые сосны, росшие между могилами. Поскрипывание этого леса создавало странное впечатление – будто бродил я по давно покинутому, заросшему природой городу, среди невидимых, покрытых землей руин.

Сначала я просто прогуливался, присматриваясь к аккуратному шрифту памятников. Потом мне пришлось углубиться в узкие тропки между оградками. Кладбище это располагалось на холме, а его естественной границей с одной стороны был резкий спуск к лесному озеру. Я методично прочесывал фамилии памятников и надгробий, пока почти на самом краю кладбища перед склоном не обнаружил знакомой фамилии, небрежно написанной на железной табличке, одетой на сварной железный крест, покрашенный серебрянкой. Бедность могилы меня сперва удивила, однако, присев на скамеечку у соседней оградки, слушая кукушку, отсчитывавшую неизвестно кому остаток жизни, я естественно пришел к мысли, что человеку, увлекавшемуся всю жизнь философией, мрамор памятников должен быть чужд. Он, может быть, и креста не хотел бы. Но крест, скорее всего, поставили друзья. Родственники обычно больше заботятся о своих покойниках – за покойника не должно быть стыдно, – а то что ж это: у какого-то Босоноженко целый монумент с бронзовыми буквами, а чем наш хуже...

Вот с такими размышлениями посидев там минут пятнадцать, я уже другими глазами посмотрел на могилу – посмотрел на нее, как на сейф, который надо как-то открыть. И понял, что для каждой работы есть свои специалисты. Какие мне нужны специалисты, я тоже понял – конечно, не гробокопатели – те и стоят очень дорого, да и заложить могут, ведь дело, которое я задумал, вряд ли было законным. А потому надо было искать еще не полностью спившихся бомжей и две лопаты. И копать придется ночью, в чем тоже есть свой мистический шарм. Но на предстоящее дело я смотрел без всякого испуга и сомнения – мною двигала страсть к раскрытию тайны. Я был готов рисковать и одновременно чувствовал, что вообще-то никакого риска в этом деле нет. Если сейчас всем наплевать на живых, то почему кто-то будет беспокоиться о каком-то мертвом, которого достанут на несколько минут лишь для того, чтобы поправить его голову, подложить под нее что-нибудь помягче, чем рукопись.

4

Ночью со среды на четверг я снова был на кладбище, только в этот раз в теплой, но внушающей некоторые опасения компании. Двух бомжей я нашел на вокзале и пообещал каждому в конце трудов на две бутылки водки. И вот теперь они с лопатами ходили вокруг могилки, принаравливаясь или ища особого вдохновения.

– Так чё ты там найти хочешь? – все допытывался один из них, коренастый с синеватым лицом. Звали его Жора, и любой его взгляд сопровождала напряженная неприятная улыбка.

– Я же сказал, бумаги там у него под головой...

Жора хмыкнул и сделал первый копок. Тут же с другой стороны взялся за древко лопаты его коллега по вокзалу Сеня – тоже невысокий худощавый мужичок лет сорока.

Они отбрасывали землю на тропинку, пролежавшую между могилой Гершовича и оградкой соседней, более ухоженной могилы. Куча земли росла. Низкое синее небо дышало теплом, и какие-то птицы кричали время от времени отрывисто и глухо.

После нескольких перекуров молчаливые землекопы работали уже вяло и без энтузиазма. Наконец лопата Жоры ударила о дерево, и они ожили. Расчистили крышку гроба.

– Поднимать будем или так пороемся? – спросил у меня Жора.

– А если не поднимать, то крышку снять можно? – поинтересовался я, почему-то подумав, что бомжи лучше разбираются во вскрытии могил.

Жора деловито глянул вниз, в вырытую яму.

– Можно отодрать, а потом сверху приложить. Если даже чуток обломается – оно ему все равно до одного места!

Жора и Сеня подковырнули лопатами крышку неглубоко закопанного гроба и вытащили ее наверх. Лунный свет, сколь ни был он ярок, поддерживаемый мириадами звезд, все равно не смог осветить внутренности открытого гроба, лежавшего в разрытой могиле. Что-то темное и сплошное виднелось в нем. Я, наклонившись, ожидал увидеть хоть какие-то очертания тела, но тщетно. И запах оттуда, снизу, поднимался сладкий, словно корицей пропитанный.

– Ну чё? – спросил вдруг Жора. – Сам полезешь?

Я понял, что он обращается ко мне. Обернулся.

– Почему сам? Мы же договаривались... – возмутился я.

Вдруг сзади на мою голову резко опустилось что-то тяжелое. Оно накрыло меня глухим сачком из темной непрозрачной материи, будто я был бабочкой. И тут же, словно охотник за бабочками резко подсек сачок, я потерял равновесие, покачнулся и рухнул на теплую ночную землю, слыша удаляющийся осторожный шепот чужих голосов.

Когда я пришел в себя, уже светало. Ранние птицы перекрикивались звонкими голосами, это было похоже на утреннюю переключку. Рука моя сама дотронулась до затылка, где пальцы нащупали запекшуюся кровь. Я поднялся с земли, медленно и осторожно. Огляделся – одна лопата была воткнута в землю, вторая валялась в стороне – видно, ею меня и ударили. Карманы были выпотрошены и все деньги – слава богу, не так уж много, – естественно, отсутствовали. В разрытой могиле лежал в открытом гробу перевернутый на бок покойник. И голова его – совершенно черная – лежала на боку, а рядом с ней – пакет, из которого торчала папка.

Подумав о своих ночных помощниках, я не смог сдержать улыбки. Представилось, как они готовились найти какой-то реальный клад – золото или еще что-то, а потом, по знакомому с детства сюжету, избавиться от третьего лишнего и все поделить пополам. Так старались, а получили в виде клада те же деньги, что я им и так обещал.

Окончательно придя в себя, я спустился в могилу. Лежавший на боку Гершович словно специально так лег, чтобы мне было куда поставить ногу. Я взял пакет с папкой, поднял его наверх. Потом выбрался сам. Взял крышку гроба и, приставив ее более узкий конец к ногам,

отпустил. Крышка зацепилась за кусок недообрубленного корня и зависла над изголовьем. Я взял лопату и, стукнув пару раз, заставил крышку занять свое место. А потом еще полчаса закапывал гроб, ровнял могилку и водружал на место сварной железный крест, покрашенный серебрянкой.

Закончив дело и взяв пакет с папкой в руки, снова обратил внимание на странный сладковатый запах – теперь, казалось, этим запахом пропиталась вся моя одежда, и пакет источал тот же запах корицы.

Солнце начинало пригревать. Я посмотрел напоследок на крест. Надо было уже идти. Скоро здесь может кто-нибудь появиться. Интересно, который час?

Автоматически я сдвинул манжету рубашки и посмотрел на часы. Было начало шестого. «Что ж они часы не забрали? – подумал я с грустной усмешкой о своих помощниках. – Или их жизнь научила только карманы чистить?»

Я пошел к конечной трамвая. Где-то далеко, наверное, на лесном отрезке пути между Курневкой и Пущей-Водицей уже ехал первый трамвай, звеня, как огромный будильник. Ехал, чтобы забрать меня домой. Отвлечь меня от запекшейся крови на затылке и от сладковатого запаха, казалось, вьшегося в мою одежду. Запаха, обладавшего успокоительным свойством и еще – вызывавшего легкую или даже несколько легкомысленную улыбку, не зависимую от сути размышлений.

5

Когда я доехал домой, настенные часы на кухне показывали без пяти семь. Остановившись перед зеркалом в прихожей, я заметил, что вся моя одежда нуждается в хорошей стирке, да и сам я был очень похож на бомжа, ночевавшего на куче глины. Быстро переоделся в халат, а одежду замочил в большом тазу. Потом решил замочить и себя, но уже в ванне. Набрал горячей воды и занырнул так, что вода выплеснулась на пол. Горячая вода пробрала жаром до костей, и в ключице приятно заломило – словно в сауне. Потихоньку тело стало набирать бодрости, и голова тоже, освободившись от негромкого гудения, напоминавшего об ударе лопатой, заработала, выстраивая мысли в шеренгу по одной, чтобы каждую можно было спокойно обдумать без всякой спешки.

Ночной эпизод с бомжами и разрытием могилы уже отошел на задний план, в прошлое. А впереди, буквально в полчаса времени, меня, отмытого и свежего, ждала на кухонном столе папка, ради которой и была предпринята рискованная авантюра. Но любая авантюра казалась мне уместной в нынешнее опасное и динамичное время.

Вытершись большим махровым полотенцем, я, к своему удивлению, заметил, что сладковатый запах, впервые замеченный мною на Пуцанском кладбище, все еще присутствует. Я наклонился над стоявшим на полу тазиком с моей грязной одеждой. Но от тазика шел запах стирального порошка, а запах корицы «плавал» где-то выше, на уровне плеч и лица.

«Ладно, – подумал я. – Это не самый худший запах, да и нет такого запаха, который не выветривается».

Усевшись за кухонным столом, я открыл папку. Там лежала пачка исписанной мелким, уже знакомым мне почерком бумаги. Но состояние мое было таково, что всматриваться в этот тончайший почерк не хотелось. Хотелось найти письмо, о котором говорил Клим. Я взял пачку бумаги в руку и веером пролистал ее. И действительно из пачки вылетел конверт, вдвое больше обычного. Вылетел и упал на пол. Из конверта я достал затертый, чем-то похожий на тетрадный, листочек бумаги с едва видимыми строчками полиловевших от времени чернил.

Я прочитал его быстро и, еще не осознав прочитанного, уже почувствовал, что соприкоснулся с чем-то действительно интересным и загадочным. Бумага называлась «Рапорт», но по сути была обыкновенным доносом. Некто ротмистр Палеев сообщал полковнику Антипову о том, что «рядовой Шевченко, во время своих выходов за Петровское укрепление, часто сидит на песке за барханом и вопреки запрещению что-то пишет, а вчера в этом песке что-то зарыл примерно в трех саженях от старого колодца в сторону моря».

За окном уже лился на землю яркий солнечный свет. Утро разгоралось, стирая границу между весной и летом. Я пил чай, отложив донос, написанный в январе 1851 года, в сторону, и думал: что бы такое мог закопать там, на далеком Мангышлаке, Тарас Григорьевич. Денег у него не было, да и если б были – зачем их в песок закапывать? Нет, не такой он был человек, чтобы прятать от других свои копейки. Вспомнились далекие школьные годы и история про «захалывную» книжку, в которую солдат Шевченко записывал свои стихотворения, нося ее всегда с собой в сапоге. Может, ее он и закопал, подальше от любопытных глаз доносчиков типа этого ротмистра Палеева?

«Отыскать бы ее там, в песках, – подумал я и сразу представил себе, какой бы радостный шум поднялся на Украине. – А может, и заплатили бы мне за нее пару сотен тысяч долларов или на пожизненное гособеспечение взяли бы? Ведь какая реликвия?!»

И все-таки ценность этого неизвестного, зарытого в песках Мангышлака предмета была достаточно условной, а скорее всего лишь музейной. Ну, защитили бы какие-то ученые несколько докторских диссертаций – вот и весь результат.

Подтянув к себе пачку исписанной покойным Гершовичем бумаги, я снова пролистал ее, и вдруг перед моими глазами пронесся лист с явно топографическим рисунком. Отыскав его, я рассмотрел нарисованную ручкой карту, и тут же мой интерес к ней угас, так как под рисунком рукой самого Гершовича было приписано: «Срисовано из материалов «Шевченковской экспедиции» на выставке Лит-го музея-архива».

Я вздохнул и выглянул в окно. Солнечный прибор уже докатывался желтой волной до моего кухонного стола. Я зевнул и потер слипающиеся глаза – бодрость от горячей ванны оказалась кратковременной. Тело требовало сна.

6

Под вечер, оклемавшись, я снова сел за кухонный стол. Сначала утолил голод куском молочной колбасы, потом взял в руки рукопись Гершовича и уже более свежим взглядом прошелся по ее строчкам.

И снова в нос ударил сладковатый запах корицы. Я поднес лист бумаги к лицу и понюхал его. Потом автоматически понюхал свою руку, державшую лист, и понял, что моя рука источает этот запах куда сильнее, чем бумага.

Не желая мысленно докапываться до причины появления этого запаха, я снова сосредоточил все свое внимание на рукописных строчках Гершовича.

Первые несколько страниц показались мне повторением или перепевом тех же мыслей, которые высказал он карандашом на полях «Кобзаря», но потом, на седьмой странице, размышления его ушли в другую сферу.

«Национальное богатство рождается внутри избранного человека, обрекая его на скитания и мучительные поиски приложения этого богатства, так как, будучи избранным, он может оказаться и любим своею нацией, и уважаем ею, но явно не понимаем или же понимаем неправильно, что лишь усиливает внутреннюю его скорбь, а мучения, связанные с невозможностью приложения дарованного ему свыше богатства, могут привести к умопомешательству и к странным и трагическим поворотам судьбы, способной завести его в далекие от его Родины (женщины) края».

Далее следовало описание маршрутов, которыми ходил по Украине Григорий Сковорода. Но уже на следующей странице Гершович возвращался к трагической судьбе Шевченко. И тут уж я сразу заметил схожесть раздумий, касательно уже прочитанного мною доноса ротмистра Палеева.

«Место (у колодца), избранное Т. Г. Шевченко для закапывания неизвестного предмета, говорит о его явном желании или самому вернуться туда, чтобы извлечь спрятанное, или же чтобы кто-то мог по его описанию это место легко отыскать. Место это, должно быть, еще существует, так как от моря оно отстоит как минимум на два километра. Что касается самого спрятанного в песке предмета, то, скорее всего, это рукопись или записная книжка – и то и другое хорошо и долго сохраняются в песке в условиях жаркого климата. Возможно, в этой записной книжке он выразил те свои мысли и чувства, которые его современники воспринять еще не могли. Так что вряд ли они были выражены в стихотворной (более доступной людям того времени) форме».

Прочитав эту страницу, я вспомнил недавнее сообщение о том, как на аукционе в Нью-Йорке выставлялась рукопись теории относительности Эйнштейна – за нее просили четыре миллиона долларов, а покупатель давал только три.

«Интересно, – подумал я, – а сколько бы предложили за неизвестную рукопись Шевченко на аукционе где-нибудь в Канаде? Там же живут самые богатые и самые сентиментальные украинцы, а именно один из таких и мог бы со слезами умиления на глазах выложить парочку миллионов пусть хоть канадских, но долларов».

Улыбнувшись игре собственного воображения, нарисовавшей трогательную сценку из жизни канадской диаспоры, я вдруг задумался о том, что с советских времен в сознании поколений производилась замена понятий «клад» и «сокровище». И хоть все в подростковом возрасте читали романы Стивенсона, но одновременно с ними читали и произведения советских классиков, в которых мальчишки-кладоискатели вдруг обнаруживали в зарытой в земле банке вместо золота и бриллиантов чей-то партбилет и орден Отечественной войны. И тут же вставали по-пионерски смиренно и отдавали салют павшим за правое дело. Вот, наверно, откуда ноги растут у размышлений того же покойного Гершовича. Вот откуда тяга к поиску нематериаль-

ных ценностей, символических сокровищ, духовных кладов. А что, если там, в песках, лежит до сих пор простой золотой червонец, а то и два? А что, если спрятал он их там, чтобы не отобрал их у него какой-нибудь пьяный офицер, доведенный жизнью на окраине империи до скотства и потери всякого морального облика? А? И тогда все эти письменные размышления Гершовича окажутся просто средством игры в прятки с той реальностью, в которой он жил. Такой же игры, как игра с книгами-матрешками, которую придумал то ли он, то ли Львович, то ли Клим.

«Ладно, – подумал я. – Все это интересно, но как говорил мой знакомый алкоголик, сосед по старой квартире: «Жизни можно радоваться, но нельзя забывать сдавать бутылки!» Так что потихоньку дочитаю я эту рукопись и, может быть, даже обогашусь духовно, но надо и на молочную колбасу зарабатывать...»

Спрятав рукопись обратно в папку и еще разок приложившись носом к своей пахнущей корицей руке, я пошел одеваться. Каждая третья ночь была в каком-то смысле боевой – я охранял склад финского детского питания, принадлежавший благотворительному фонду «Корсар».

7

Приняв смену у охранника Вани, студента института физкультуры, я уселся за старый канцелярский стол, на котором стоял полный набор ночного сторожа: электрочайник, маленький переносной телевизор, резиновая дубинка, телефон и газовый баллончик. Средства обороны и охраны, как видите, были минимальными и не возбуждали желания до последней капли крови охранять доверенные материальные ценности. Но зарплату здесь платили исправно, да и место казалось достаточно безопасным – детское питание, к тому же, судя по маркировке картонных ящиков, просроченное, вряд ли вызывало интерес у каких-нибудь современных экспроприаторов.

Мимо ящиков и стола лениво пробежала толстая крыса. Я проводил ее насмешливым взглядом. Включил телевизор и пошел с чайником к находящемуся в трех шагах умывальнику – начинался ритуал «включения» в работу. После чая и пары фильмов обычно составлялись под стенкой в ряд четыре стула, и я мирно засыпал до утра, до пробуждающего дверного стука, после которого в открытую дверь входил председатель «Корсара» Грищенко со старым портфелем-дипломатом, давно потерявшим свои дипломатические формы. Грищенко было лет пятьдесят, и внешне он походил на классического бухгалтера – толстоват, круглолиц, лысоват. Улыбаться он, кажется, не умел, но само выражение его лица – вечно озадаченное – могло вызвать улыбку у кого угодно.

Пробежав взглядом просторное полуподвальное помещение, заставленное картонными коробками, на которых были наклеены синие квадратики бумаги с изображением счастливого малыша, он обычно мне кивал. Это значило, что я – свободен. И я уходил на три дня и две ночи до следующего дежурства.

В эту ночь мне было не суждено выспаться на рабочем месте. Сначала в самой середине какого-то боевика зазвонил телефон. Я снял трубку, но услышал в ней лишь чье-то хрипкое дыхание. На шутку это было не похоже и поэтому я терпеливо вопрошал: «Алло!»

– Закрой дверь! – прозвучал непривычно хриплый голос Грищенко. – Подожди ее чем-нибудь...

– Да она закрыта! – сказал я, оглядываясь на тяжелую металлическую дверь, запертую на два засова.

Грищенко опустил трубку на рычаг, даже не попрощавшись. Я поступил так же и продолжил смотреть в маленький черно-белый экран, на котором только что плохие бандиты изрешетили из автомата одного хорошего и на его белой рубашке выступили пятна черной крови.

Досмотрев фильм до конца, я вспомнил о недавнем телефонном звонке и внимательно осмотрел склад. Окон здесь не было, так что в любом случае дверь была единственным местом, через которое могли сюда вломиться непрошеные гости. Но дверь эта была «складской» еще с советских времен, когда в стране на душу населения приходилось не меньше тонны толстого железа. Чтобы ее снаружи взломать, пришлось бы подогнать танк. По потолку стелилась жестяная кишка вентиляционной системы, ухидившая в стену. Кишка была толстой, и иногда по ней бегали крысы, используя ее как переход в другие помещения. Одной крысы хватало, чтобы глухой грохот заставил вибрировать воздух. Картонные ящики, поставленные в несколько рядов друг на друга, подпирали эту кишку снизу, так что крысам несложно было, поднявшись по картону, забираться в отверстия вентиляционной системы.

Но в этот момент на складе было тихо, и единственная увиденная сегодня мною крыса пробежалась по полу чуть ли не на цыпочках – неслышно и лениво.

Я пощелкал переключателем программ и попал на середину какого-то фильма про каратистов. Уставился в экран и решил, что на сегодня мне хватит и полтора фильмов перед сном.

Снова зазвонил телефон.

– Алло? – прозвучал женский голос. – Виктора Иваныча можно?

– Вы ошиблись, – спокойно ответил я, не сводя глаз с драки на экране.

– Ну а кого можно? – весело спросила женщина.

– Это что, шутка?

– Ты, слушай! – резко и неожиданно прозвучал из трубки мужской голос. – Мне пофиг как там тебя звать... Хочешь жить – открывай свою дверь и проваливай короткими перебежками. Понял?

Инстинктивно я бросил трубку на телефон и сразу выключил телевизор. Возникшая тишина помогла мне собраться с мыслями. Я понял, что звонок Грищенко не был беспричинным. Что-то происходило там, за пределами склада. Но пока я был внутри – опасаться мне было нечего.

Тем не менее, я был напуган. Как-то даже мне самому показалось странным, что вот, прошлой ночью меня ударили на кладбище лопатой по голове, да и вообще – чем я занимался? Разрывал могилу, хоть и чужими руками. И не боялся. А тут – совсем другая реальность. И вот – я сижу, как в крепости, но боюсь.

Я пожал плечами. Снова прислушался – было тихо.

Через минуту опять зазвонил телефон. Я поднял трубку и тут же опустил ее на место.

Телефон снова зазвонил.

В этот раз я поднес трубку к уху.

– Коля!.. Ты? – прохрипел Грищенко.

– Ну да... Что происходит?

– Ты не открывай никому! Это подонки!.. Я утром подъеду! До свидания.

И снова короткие гудки.

Я положил трубку на стол. Подумал, что на эту ночь телефонных разговоров мне уже хватит.

Когда я дремал, лежа на выставленных в рядок стульях, кто-то застучал по двери. Настойчиво и громко.

Я лежал неподвижно на спине, в напряжении. Лежал и ждал тишины. Она наступила минут через двадцать. Но до утра я так и не заснул.

В начале девятого, чувствуя себя разбитым после бессонной ночи и нервных потрясений, я заварил чай и включил телевизор. Все свои действия я совершал чрезвычайно осторожно и тихо, прислушиваясь одновременно к любому звуку, доносившемуся с улицы. Правда, немного звуков долетало до внутренностей склада детского питания. Слышны были проезжавшие мимо машины. Потом одна из них подъехала и затихла где-то рядом – кажется, за стенкой был еще один склад, а вот что было на верхних этажах этого здания – я не знал.

Я пил чай и ждал, когда наступит девять часов – время, когда обычно приходил Грищенко. Вскоре девять наступило. По телевизору пошла реклама зубной пасты, и я его выключил, словно это могло ускорить течение времени.

Но Грищенко не было. Я посмотрел на всякие бумажки, прижатые листом прозрачного плексигласа к поверхности канцелярского стола – визитки, какая-то накладная. Тут же был листок с телефонами ночных охранников, включая меня, под ним – номер самого Грищенко. Я позвонил ему, но на другом конце провода никто не брал трубку.

В десять я почувствовал себя неуютно. Прошелся несколько раз по складу, поглядывая на эти картонные ящики. Задумался о ночной суете, из-за которой сейчас побаливала голова. И чего сюда ломиться? Неужели из-за просроченного детского питания?

Я подошел к одному неполному штабелю и снял верхний картонный ящик на пол. После некоторых сомнений разорвал клейкую ленту, которой он был запечатан по шву верхней крышки, и заглянул внутрь. В ящичке лежали жестяные банки с синими наклейками, на которых беззаботно и отчасти глупо улыбался какой-то иностранный малыш. Я взял одну из них

в руки, встряхнул. Услышал тяжелое движение вверх-вниз какой-то мукоподобной массы – банка была неполной, но в этом не было ничего особенно удивительного.

С банкой в руках я вернулся к столу и снова включил в розетку электрочайник. Еще разок пробежал глазами наклейку и понял, что в банке – детская молочная смесь. Захотелось выпить кофе с молоком. Растворимый кофе у меня был, а теперь появилось и сухое молоко, так что желание мое оказалось вполне выполнимо.

Я вскрыл банку, насыпал оттуда в чашку порошка бело-желтого цвета, потом добавил ложку «Нескафе» и залил все это кипятком.

Сделал несколько глотков и сразу на душе полегчало – и усталость куда-то делась, и настроение улучшилось. Такого кофе с молоком я еще ни разу не пробовал, и тут же возникла слегка преступная мысль – прихватить домой несколько баночек этой детской смеси. Может, для детей она и просроченная, но для кофе оказалась в самый раз.

После этой чашки кофе я снова прилег на стульях, выставленных в рядок, не думая больше ни о ночном происшествии, ни о Грищенко, которого до сих пор не было. Меня охватило ощущение полета, и уже через пару минут я несясь в незнакомом, полном разноцветья и причудливых форм пространстве, открытом и безграничном. Мимо проносились метеориты, то желтые, то красные, кометы круто разворачивались, оставляя затухать позади себя изогнутые огненные хвосты. Тело легко подчинялось мыслям – стоило только подумать, что надо свернуть вправо, чтобы избежать столкновения с каким-то летящим предметом, как тело уже поворачивало вправо. Впервые я так отчетливо ощущал единство души и тела, да и само тело было невесомым и неотягощающим, тело было легкое и легко управляемое. Оно не требовало усилий, не требовало работы мышц. Я летел и даже не оглядывался на оставшуюся внизу землю. Она, должно быть, уже затерялась среди десятков других мелких небесных тел.

8

Мой полет продолжался не меньше двух суток. А когда я «приземлился» и оказался в первоначальном положении, лежа на выставленных в рядок стульях на спине, первое мое желание было – закричать. Кроме ощущения дикого голода, все мое тело изнывало от боли, от какой-то одеревенелости, передающейся от костей и суставов прямо в мысли, в эмоции. Я с трудом поднес к глазам руку, посмотрел на часы – они показывали полвторого. И первый же вопрос, возникший в моей голове, был – какие это «полвторого»? Ночи или дня? Для этого надо было встать, открыть двери и выглянуть на улицу: если светло – значит, день. Простейшее решение, однако, оказалось с трудом выполнимо. Усесться на одном из стульев мне удалось, но это вызвало такой прилив боли в пояснице, что я сразу же улегся в первоначальное положение. Через минут пять попытку повторил и небывалым для себя усилием воли удержался, несмотря на боль, в сидячем положении. Начал медленно двигать руками, совершать какие-то микроупражнения, напрягая мышцы и разминая суставы. На ноги встал часа через полтора. Постоял, почувствовал легкое головокружение. Сделал свои первые шаги – к канцелярскому столу. Наконец уже уселся за этот стол, тупо глядя на телефон, трубка которого была снята и лежала рядом с электрочайником. Взгляд на телефон разбудил в памяти ту бессонную ночь. Вспомнилась и успокоительная чашка кофе с «молоком». Взгляд сам собой ушел на банку «детской смеси».

«Да, – подумал я. – Скорее, это средство для полетов, чем молочная смесь...»

Посидев немного, я подошел к железной двери и прислушался – за ней царствовала тишина. «Значит, – подумал я, – это ночь... Что же мне теперь делать? Посидеть до утра? Или попробовать выскользнуть отсюда сейчас? Да, но почему сюда никто не пришел за эти двое суток? Ведь у Грищенко есть ключи! Хотя даже с ключами ему бы не удалось сюда войти, ведь дверь была закрыта изнутри на два засова. Только я их мог открыть, но меня в некотором смысле не было. Может, он и приходил, стучал, звонил по телефону...»

Волнение закрадывалось в мои мысли. Мое присутствие на этом складе напоминало состояние заживо погребенного в склепе. Правда, у меня была возможность покинуть этот склеп. Надо только обладать некоторым количеством удачи, чтобы покинуть это место незаметно и забыть обо всем, как о несостоявшемся полете в космос. Хотя, полет-то состоялся. Я его помнил в мельчайших подробностях, а будь я художником, смог бы и нарисовать некоторые из встретившихся мне в открытом пространстве метеоритов и комет.

На стенке над умывальником висело зеркальце, и я подошел к нему, чтобы промыть глаза и посмотреть на себя. Мое лицо напомнило мне кадры хроники из Освенцима. Может быть, это и было преувеличением, но я еще никогда не видел у себя на лице таких огромных серосиних кругов под глазами и такого заострившегося по-покойнически носа.

Умывшись холодной водой, я вернулся к столу. Не без брезгливости съел принесенный с собой бутерброд с молочной колбасой. Хлеб уже задеревенел, а колбаса была так далека от свежести, как я был в этот момент далек от сытости.

Включил электрочайник и снова посмотрел на банку растворимого кофе, а потом – автоматически – на «детскую смесь».

«Нет, – подумал я. – С кофе повременим, а то еще один такой полет, и я умру от физического истощения».

Я заварил себе чай. Посмотрел на часы – без пяти четыре. Тишина. Даже крысы ничем не выдают своего присутствия.

Покончив с чаем, я положил в свою сумку три банки «молочной смеси». Зачем я их брал с собой? Наверно, хотелось еще когда-нибудь «слетать в космос». Потом подошел к двери, снова прислушался и, ничего не услышав, аккуратно отодвинул тяжелые железные засовы. Выдержав

после этого паузу, я приоткрыл дверь и в возникшую щель ворвался свежий ночной воздух – приятно прохладный, как джин-тоник со льдом.

– Ну, пошел! – приободрил я себя и, раскрыв дверь пошире, выбрался в проем. Потом также тихо прикрыл дверь и, достав ключ, провернул его в замочной скважине. Тяжелый ригельный замок негромко скрежетнул. Я спрятал ключ в карман брюк и, пригнувшись, на цыпочках пошел под стеной дома. Когда я уже почти дошел до угла, мне в спину ударил свет внезапно включенных автомобильных фар. Я дернулся что было силы вперед, бросил себя за угол и побежал, уже не глядя по одинаково темным сторонам. Слышал, как завелся мотор, и даже показалось мне, что в какой-то момент звук его меня достигает, но когда я наконец остановился, запыхавшийся, вокруг было тихо.

«Ушел!» – обрадовался я, но улыбнуться не получилось.

Я не просто ушел, а и сумку с тремя банками «молочной смеси» прихватил. Не выпустил ее из руки, несмотря на пережитый ужас реальной или полуреальной погони.

9

И снова, вернувшись в свою новую квартиру в предрассветной мгле, я начал день со стирки одежды и принятия ванны.

Постепенно отмокнув и окончательно придя в себя и еще сильнее ощущая колючий глубинный голод, я даже не оделся, выйдя из ванной комнаты. Только обтерся полотенцем и сразу – на кухню. Нашел в холодильнике хвостик молочной колбасы, банку шпрот и охлажденный кусок черного хлеба. По мере того как мой желудок наполнялся едой, я начинал ощущать холод. В квартире не было холодно, но, видимо, организм заново приспособлялся к земной атмосфере и температуре после двух суток «космических полетов». Перед чаем я набросил на себя халат.

В халате и чай казался слаще. Чувство комфорта как-то оживляло меня, и я уже поглядывал на подоконник, где в серо-зеленой папке лежала рукопись Гершовича. Не знаю, как-то по-другому я смотрел на нее теперь, после своих неожиданных приключений. Но интерес мой к идеям и мыслям этого покойного любителя-философа не угас. Скорее наоборот.

Я полистал рукопись, но вчитываться в мелкий почерк не было сил. А тут еще вспомнил, что в коридоре лежит моя черная сумка с тремя банками «молочной смеси». Сходил туда, переложил банки в кухонную тумбочку – все-таки, что бы там внутри ни было, но оно очень съедобно!

И лег спать, послушный зову тела, уставшего от полетов.

10

Наступил следующий день, свежий и солнечный. И проснулся я, к своей радости, рано – около семи. Сварил кофе.

«Ну вот, – думал я, – работа моя позади. И неинтересно мне, что там все же произошло. Жизнь дороже».

Взял эстетским жестом маленькую чашечку с кофе и поднес ко рту. Подержал ее на весу, чтобы ощутить аромат арабики, но в нос ударил стойкий запах корицы, вернув меня в состояние озадаченности. Опять запах моей руки перебивал запах кофе.

Я покачал головой. Глотнул кофе – все-таки вкус у него был настоящий и стоящий.

«Надо жить!» – подумал я. (Оптимистические мысли обычно до глупости банальны.)

Учителем истории я уже никогда не буду. Неблагодарное это дело! Надо снова искать работу охранника. Здоровье есть – восемь лет плавания и три года фехтования. На работодателей это какое-то впечатление производит. Найти бы снова ночь через две. Чтобы оставалось время заниматься решением философских загадок. Жизнь должна приносить удовольствие – каждому по потребностям.

А за окном светило весеннее солнце и долетали гулкие обрывки мегафонных фраз – на Софиевской площади снова шел какой-то митинг.

Захотелось прогуляться. Выйдя из дому, я прошел мимо митингующих, над головами которых реяли красно-черные флаги УНА-УНСО. На борту грузовичка с мегафоном в руке к чему-то призывал мужчина с длинными седыми усами, свисавшими чуть ниже подбородка. Я не хотел вслушиваться – мимолетные движения человеческих масс меня не очень интересовали. Политика – это лишь строительный материал новейшей истории, что-то вроде цемента. Стоит только встрять в нее – и все! Затапчут, потом выкопают – и станешь экспонатом в каком-нибудь захолустном историческом музее.

Я прошел между грузовиком и толпой митингующих, внимание которых было полностью отдано оратору. На ходу заметил несколько раздраженных взглядов в свою сторону. Наверное потому, что я проходил мимо, не желая присоединиться к их великому стоянию. Но при всей моей симпатии к каждому страждущему – я ценил любую целеустремленность в людях, лишь бы не вешались сами и не убивали других, – состраданием мое отношение к подобным людям и ограничивалось. Предложить им больше, чем сострадание, было бы уже опасно для меня. Я любил себя и свою свободу и в отношениях с женщинами страсть предпочитал любви – страсть сильнее, не поддается никаким правилам и исчезает так же внезапно, как и появляется.

Еще долго мне в спину кричал мегафонный оратор, но, дойдя до Оперного, я уже и о нем забыл. Спустился вниз на Крещатик. Прогулялся. Зашел в кафе. Добавил себе в кровь кофеина.

Посидев минут пятнадцать за столиком кафе, продолжил свою бесцельную прогулку. Ноги сами вывели меня к университетскому скверу. День был явно не «клубный». Только на одной скамейке двое стариков без зрителей играли в шашки.

Остановившись над ними, я вдруг заметил, что позади меня, метрах в пяти, тоже остановилась странная пара – черноусый худолицый парень и такая же худолицая черноволосая женщина. Парень курил трубку. На мгновение наши взгляды встретились, и я увидел в недобром прищуре его глаз напряжение и враждебность.

«Может, показалось?» – подумал я, не понимая, чем мог испортить им настроение.

Снова вернулся к играющим в шашки и тупо уставился на доску, забыв об этой странной паре. Когда я оглянулся минут через пять – их уже не было.

Вскоре я отправился домой – прогулка придала мне свежести и подняла настроение.

Я шел по Владимирской, а навстречу мне двигались участники только что закончившего митинга. Я словно врезался в ледоход, но их было не очень много, так что я, бережно лавируя, легко избегал ненужных соприкосновений.

Уже подойдя к своему парадному, я снова заметил краешком глаза что-то подозрительное. Обернулся и увидел на противоположной стороне улицы опять ту же чернявую парочку. Они, видимо, смотрели на меня, но когда я обернулся – резко отвернулись.

Озадаченный, я зашел в парадное.

Дома присел в кресло и задумался. Постепенно ко мне пришло успокоение. Скорее всего, это было случайное совпадение – со мной так бывает: ходишь по городу и три-четыре раза сталкиваешься лицом к лицу с одним и тем же легко запоминающимся человеком. Тут уж и он, наверно, тебя за кого-то принимает, да и сам ты начинаешь гадать: с чего это он за тобой следит? Главное – они не были похожи ни на бандитов, ни на наркодельцов, так что никакого отношения к происшедшему на складе «детского питания» они иметь не могли.

11

Ночью меня разбудил телефонный звонок.

– Слышишь, козел? – ворвался в мою сонную голову неприятный мужской голос с хрипотцой. – Тебя просили выйти, но никто не просил закрывать за собой двери! Ты нам теперь должен десять штук за лишние хлопоты. Ровно через неделю ночью к тебе подойдет за зелеными. Если не соберешь – твои проблемы. Квартиру заберем.

– Кто это? – инстинктивно вырвалось у меня.

– Ты что, не понял? – возмутился голос. – Если я сейчас скажу, кто это, с тебя будет не десять, а двадцать штук, лох поганый!

Короткие гудки уже доносились из трубки, а я все еще держал ее возле уха. Сон прошел, и на его место просачивалось ощущение тоскливой и грязной реальности.

«И чего я действительно эту дверь закрыл? Может, и бежать бы не пришлось, если бы замок не щелкнул...»

Тоска овладевала мной. Ночь была испорчена, и хотелось верить, что только ночь. Хотя эти десять штук, которые с меня кто-то хотел снять за закрытую складскую дверь, не были похожи на шутку.

Я встал, помыкался по комнате, освещенной только сумрачным ночным свечением неба, пробивавшимся через окно и делавшим темноту доступной глазу. Опять ночь оказалась бесполезным временем суток – теперь уже мне не заснуть.

Я взял книжку-матрешку и пошел на кухню. Сварил кофе и уселся за стол. Вытащил из Толстого «Кобзарь» и, все еще щурясь, привыкая к кухонной лампочке без абажура, свободно, как висельник, болтавшейся на проводе над потолком, раскрыл эту книгу, принесшую в мою жизнь что-то неожиданно светлое и загадочное, отвлекающее меня от тусклой ежедневной реальности.

Наверно, читать рукопись Гершовича было бы интереснее, но я боялся концентрации его мысли. А здесь, на полях «Кобзаря», каждый написанный мелким почерком комментарий выглядел отдельной картинкой, красиво оформленной, взятой в рамку, так что можно было эту картинку и рассматривать и обдумывать, не чувствуя при этом усталости мысли.

«Мужчина всю жизнь борется со своим якобы природным назначением «быть сильным», он тратит иногда всю жизнь на сознательное выработку этого качества, подсознательно же всегда находясь в поиске защиты, которую может дать и дает ему только женщина. Всякое проявление природного мужского качества он посвящает поиску этой защиты. В политике этот естественный процесс используется как раз для инъектирования патриотизма, ведь всякий монумент, воздвигаемый родине, изображает женщину, и часто в воинственной позе. Женщину – защитницу слабых, то есть мужчин».

Горечь кофе осела на языке, и мне захотелось задержать этот вкус до утра – он и бодрил, и отвлекал от запаха корицы, который, казалось, уже витал по всей квартире, куда бы я ни заходил.

Я снова пролистал несколько страниц.

«Любовь к себе и к своей жизни мужчина легко переносит на любовь к женщине, пытается сделать ее составной частью своей жизни».

Эта мысль показалась мне немного банальной. Но, понимая, что все эти записи делались не для печати, я не стал обвинять покойного мыслителя в излишнем любовании собственными размышлениями и потере качества. Ведь это открытие он сделал для себя, и хоть для меня в нем не было ничего нового, но только потому, что интуитивно я это и так понимал.

Я сидел, листал «Кобзарь» и читал комментарии Гершовича. Читал уже невнимательно, не запоминая и не оценивая его мысли. Переждал ночь. Пока завеса темноты за окном не стала рассасываться приближающимся рассветом.

12

Утром, вспомнив о ночном телефонном звонке, я забеспокоился всерьез. Дневной свет словно внес реальность в угрозы звонившего. Десять тысяч долларов – сумма настолько большая, что не только отдать ее, но и заработать было для меня чем-то фантастическим. Но от угрозы забрать вместо денег квартиру бросило в холод. Мало того, что я продал двухкомнатную на окраине, чтобы купить однокомнатную в центре, так теперь кто-то собирается сделать меня бездомным! Я понимал, что действительно поломал все планы неизвестным гостям, рвавшимся на склад «детского питания». Но на то я и был нанят охранником... Хотя им, конечно, на это наплевать. Я даже не знаю – пробрались они туда в конце концов или нет.

Нет, твердо решил я, ни шагу назад. Денег таких у меня нет, а квартиры не отдам! Лежат в загашнике пятьсот долларов – надо срочно ставить бронированную дверь. Вряд ли они будут взрезать ее автогенном. А если и начнут – я успею милицию вызвать... Надежда на милицию вызвала у меня улыбку. Но надо же хоть от кого-то ждать защиты. Милиция могла защитить реальнее, чем новая конституция, но она не могла защищать меня двадцать четыре часа в сутки.

К одиннадцати часам я уже созвонился с фирмой по изготовлению и установке бронированных дверей. Ко мне приехал представитель, снял размеры, предложил выбор замков. Тут же мы подписали отпечатанный на компьютере договор, и оставалось мне жить незащищенным только два дня. Да и двери оказались дешевле, чем я думал – всего триста баксов.

Поставив подпись на договоре, я почувствовал себя увереннее. Заметил и свежесветившее солнце за окном, и воробьиное чириканье услышал. Жизнь продолжалась, и надо было ее продолжать, беря от нее максимум и отдавая минимум, чтобы того, что оставалось, хватило бы надолго.

13

Прошло два дня, и квартира моя превратилась в крепость. Когда тяжелые бронированные двери были установлены и я попрощался с двумя мастерами, меня молнией поразило чувство свободы. Защищенность моей квартиры на некоторое время передалась мне. И пошел я, защищенный, прогуляться по улице.

Было около двух. Солнце висело над Софийским собором так, будто собиралось падать. На месте укладки под асфальт невинного патриарха Владимира было пусто, и я неспешно прошел мимо его нежеланной могилы, мимо таинственного штаба охраны госграницы, из дверей которого время от времени появлялся лысый мужичок-боровичок с сотовым телефоном в руке и именно с улицы перед штабом вел свои, должно быть, секретные телефонные переговоры. Но сейчас и его не было. Только редкие, не организованные ни в митинг, ни в шествие прохожие попадались мне на пути.

Я шел и думал об этом неоправданном чувстве свободы, которое даровала мне новая железная дверь. Неожиданно рядом тормознула «девятка». Опустилось затемненное стекло дверцы, и я увидел мужчину лет сорока пяти в синей футболке.

– Слышишь, как к Бессарабке проехать? – спросил он.

Я объяснил и потом проводил машину взглядом. Номера у этой «девятки» были одесские.

Когда машина исчезла из виду, исчезло и мое чувство свободы и защищенности. И исчезло, надо сказать, не зря. Я стал с осторожностью косить по сторонам и тут же накопил взглядом уже знакомую чернявую парочку, которая попала мне недавно раза три за день. Усатый мужик смотрел на меня, а его подружка рассматривала журналы за стеклом газетного киоска.

«Опять случайное совпадение? – подумал я. – Или они живут где-то рядом?»

Обойдя вокруг Золотых ворот, я вернулся домой.

Этим же вечером раздался телефонный звонок.

– Как идет сбор зеленых? – спросил меня знакомый голос.

– Никак, – ответил я.

– Смотри, козел, мы тебе счетчик включать не будем – не те времена. Я тебя предупредил: не будет десяти штук – переселим тебя на доску с названием «Найти человека». Понял?

Ответа на свое «понял» говоривший не ожидал и сразу же положил трубку.

Настроение мое стало безрадостным.

Ну что толку с этой двери, если я могу чувствовать себя в безопасности, только закрывшись изнутри?

«Нет, – подумал я, – надо куда-то свалить на время. Квартиру закрыть и свалить. Все равно рано или поздно они про меня забудут».

И хотя нынешнее время не вдохновляло на туризм, я всерьез задумался о том, чтобы на время покинуть любимый город. Надо было уезжать, и уезжать срочно. И как-то само собой определилось направление – на казахский берег Каспийского моря, на полуостров Мангышлак, где когда-то стояло Новопетровское укрепление.

Сбор вещей отвлек меня от неприятных ощущений, нахлынувших после телефонного звонка.

Я сунул в свой китайский рюкзак рукопись Гершовича, три банки с «детской молочной смесью», пару банок найденных в кухонном шкафу консервов. Сверху все это заложил одеждой.

Потом уселся на кухне с чашкой чая. За окном было уже темно, и эта темнота успокаивала меня. Мир спит, думал я. Может, и враги мои неизвестные спят? Самое время выскользнуть из дома и раствориться в этой темноте.

Так я и сделал. И рассвет уже встречал в поезде Киев-Астрахань, в полупустом вагоне с помятым краснолицым проводником, тщетно пытавшимся разжечь уголь в маленькой топке титана.

14

Около полудня поезд остановился на границе. Сначала по вагону прошли скучные украинские таможенники. Один из них бросил на меня взгляд и спросил с надеждой в голосе: «Что-нибудь вывозим?»

Я отрицательно мотнул головой.

– А ну покажи багаж, – потребовал он.

Я поднял свою полку и показал ему тощий рюкзак. По лицу таможенника было видно, что он хотел сплюнуть, но сдержался.

Потом шла русская таможня. Они подошли вдвоем.

– Что ввозим? – спросил один.

– Себя, – пошутил я.

Второй таможенник прищурился, повел носом.

– Ты что, корицу на продажу везешь? – спросил он.

– Нет.

Они не поверили, и пришлось мне им тоже показать свой рюкзак. Тут уж они повели себя с достоинством и лезть внутрь рюкзака не захотели.

Поезд снова запыхтел, застучал по рельсам. За окном проносились те же пейзажи, только теперь российские. Наконец вода в титане закипела, и проводник принес мне стакан чая с «железнодорожным», практически нерастворимым сахаром.

За этим чаем, уткнувшись в бессмысленное движение законного пейзажа, я подумал, что оставил позади себя в Киеве двое закрытых металлических дверей и одну вскрытую могилу. Ни больше и ни меньше.

15

Солоноватый морской запах перебивал даже привычный запах вокзала. Над Астраханью светило солнце-альбинос, белое, словно раскаленное добела. Но жары не ощущалось – может быть, из-за ветерка, дувшего с моря.

Я как-то заторможено отошел от вокзала в неведомом направлении, просто озираясь по сторонам и осматриваясь в незнакомом городе. Людей вокруг почти не было, а те, что все-таки попадались на глаза, больше были похожи на бомжей или последователей учителя Иванова: какой-то босой толстяк в спортивных брюках, выпятив нескромный живот как доказательство нормального прошлого, шел мне навстречу. И прошел мимо.

Я обратил внимание на излишнее количество российских флагов, развешанных на домах. Приятный звук треплющегося ветерком знамени постоянно сопровождал меня, внушая необъяснимую самодовольную гордость, хотя мне самому было очевидно, что я здесь чужак, иностранец, случайный путешественник со странной целью.

«Ах да! – внезапно подсказала мысль. – Сегодня же суббота! Хотя просто выходного дня вроде бы маловато для патриотического украшения города?!»

Размышляя так, я шел по какой-то улице. Потом, просто из любопытства, прочитал, что шел я по улице Тольятти. Где-то над головой громко распахнулось окно – я машинально поднял голову и увидел, как пожилая женщина провела по улице сонным взглядом, словно метлой. Провела и снова спряталась, оставив окно открытым.

Город просыпался. Впереди показался транспарант, висевший над пустынной дорогой.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР ДНЯ ГОРОДА – АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КУЛИБИН»

Ну вот, понял я, на праздник попал. Может, и мне с их праздника что-то перепадет?

Но город еще почивал, хотя на моих часах стрелки встретились и показали без десяти десять.

Минут через пятнадцать я увидел живую человеческую очередь, впадавшую в открытые двери булочной. Когда я подошел к очереди, по лицам ее членов пробежала обеспокоенность, и почти тотчас я понял ее причину – из недр магазина зычный женский голос сообщил, что булок больше нет. На моих глазах сконцентрированная кривая линия очереди распалась, и люди-атомы помчались в двух противоположных направлениях. А еще минуты через три, оглянувшись, я уже не увидел ни остатков очереди, ни открытых дверей булочной – позади лежала пустынная мертвая улица.

– Ну ладно, – сказал я себе голодному, – в праздники обычно разворачивают праздничную торговлю, так что что-нибудь я да съем перед тем, как отыщу паром или корабль.

Полчаса спустя я какими-то неведомыми путями снова вернулся к вокзалу, хотя вроде бы и не сворачивал нигде – видно город был круглый, как земной шарик. Теперь у вокзала было оживленнее – может, еще какие поезда подъехали, а может, люди просто уже начали просыпаться. От вокзала я в этот раз пошел по другой, не менее широкой улице. И уже через десяток шагов увидел идущего мне навстречу астраханца с невиданным бутербродом в руках. Это была продольно разрезанная булка, жирно намазанная черной икрой. Он ее держал обеими руками и на ходу с заметным удовольствием жевал свой супербутерброд.

То, что Астрахань – город рыбный, я и так знал, а потому воспринял увиденную картину как патриотический выпендрей. Но когда минут через десять я встретил еще нескольких граждан с такими же бутербродами – среди них одну старушку в лохмотьях и с медалью «За победу над Германией» на груди, – уже задумался поглубже. Теперь это было похоже уже не на простой выпендрей, а на какую-то благотворительную акцию. Правда, от этого вывода я не

стал более сытым, даже какая-то зависть к обездоленным возникла – вот ведь, вспомнили о них и икрой накормили на День города!

Продолжая свое полубесцельное хождение, я заметил, что практически у всех попадавших мне на пути горожан в руках были похожие огромные бутерброды, щедро намазанные икрой. Не все из прохожих с бутербродами напоминали своим внешним видом обездоленных. Были среди них люди и вполне уважаемые.

Все прояснилось очень скоро. Я вышел на площадь, где российские флаги развевались даже над коммерческими киосками. И тут я увидел небольшие очереди у этих киосков. В руках все стоявшие граждане держали плоские бутербродные заготовки – продольно разрезанные булочные батоны. Остановившись и понаблюдав, я понял механизм празднования Дня города. Граждане просовывали в окошки киосков свои длинные булки, а обратно их получали уже покрытыми икрой. И при этом никаких документов у граждан не требовали, из чего я сделал вывод, что найди я сейчас булку – я получу такой же шаровой обед астраханского аристократа. Оставалось найти булку. Спортивным шагом обойдя окрестные улицы, я понял, что с булками я опоздал – все булочные были закрыты, а у дверей одной из них проходившая мимо старушка мне участливо сообщила, что хлеб в городе закончился еще вчера.

Отчаявшись, я подошел к киоску, у которого на моих глазах рассосалась очередь.

– У вас булки не найдется? – спросил я.

– Ты что! – усмехнулся молодой парень-продавец.

– А черного хлеба? Есть очень хочется, – признался я, давя на жалость. – Я только с поезда...

Парень вздохнул, не убирая с лица улыбки.

– Дай-ка руку, – сказал он.

Я, не совсем понимая что и зачем, протянул ему в окошко руку, думая, что положит он мне в ладонь какой-нибудь дармовой «сникерс». Но парень наклонился на пару секунд, а потом я почувствовал, как по моей ладони расползается что-то липкое.

– Хоть так поешь! – сказал он мне.

Я вытащил руку из окошка – моя ладонь была намазана сантиметровым слоем черной икры.

Поблагодарив своего «кормильца», я отошел от киоска, еще не совсем понимая, как я буду это есть.

– Подходи еще! – крикнул мне в спину парень.

Я шел по улице, держа на весу свою намазанную икрой ладонь. Время от времени подносили ее ко рту и слизывали языком приятные соленькие икринки. Ощущение праздника города стало настолько явным, словно праздник этот перенесся внутрь меня. Я уже не завидовал тем, кто загодя запасся булками – мне тоже было неплохо. У случайного встречного я спросил, как пройти к порту. Он сделал рукой жест сеятеля, и я понял, что порт здесь огромен и пошел вслед за направлением его жеста, полизывая свой односторонний бутерброд.

К вечеру, слизав с ладони всю икру и обойдя несколько огромных портовых пристаней и не найдя ни одного пассажирского теплохода, не снимая рюкзака, в изнеможении я присел в парке возле памятника Кирову. Было еще светло. Я понимал, что стоит поглубже пообщаться с местным населением – и я найду то, что мне надо. Но так не хотелось ни с кем общаться – у меня уже имелся жизненный опыт случайных встреч со случайными последствиями. Будь это обычный день, я бы купил в газетном киоске карту города и все бы сам нашел. Но все киоски, кроме тех, в которых граждан намазывали икрой, были закрыты. И я сидел, отдыхая на зеленой парковой скамейке, тяжелой, с чугунными литыми боковинами. Сидел в полном одиночестве и даже прогуливающих горожан вокруг не видел.

Отдохнув с полчаса, я вышел из парка-сквера и снова оказался на городской улице. Оглянулся по сторонам и увидел открытое кафе. Над входом висела широкая деревянная доска,

много раз перекрашенная. Подойдя поближе, я понял, что перекрашивалась она из-за часто менявшихся названий. Сейчас кафе называлось «Моряк». Внутри светили неяркие лампы, покрашенные в красный и желтый цвета. Без всяких абажуров они торчали из прикрученных к низкому потолку патронов. На прилавке стояла батарея бутылок водки – «Фронтальная», «Пугачев», «Слезинка», «Каспийская волна»... Выбор названий здесь точно присутствовал, но водки мне не хотелось.

– Чего? – прокуренным голосом спросила меня женщина за прилавком.

– Вино есть?

– Портвейн по тыще за стакан.

Я взял стакан розового портвейна, расставшись с мятой российской тыщей. Присел за неустойчивый пластмассовый столик. Прислонил к стенке свой рюкзак. Отхлебнул из стакана. Вкуса не ощутил, но ощутил тепло, побежавшее вниз по усталому телу.

В кафе забежала какая-то бабка.

– Нюрка, одолжи три тыщи! – крикнула она.

Буфетчица дала бабке деньги, и та так же быстро выбежала.

Потихоньку попивая портвейн, я добрался до половины стакана и почувствовал, что пьянею. Надо было чем-то закусывать, но алкогольная лень уже расплзлась по телу. Я машинально поднес ко рту ладонь из-под черной икры и лизнул ее языком. Вкус икры словно въелся в кожу, и я продолжал с удовольствием слизывать невидимые икринки с ладони, запивая их портвейном. Пока не заснул там же, сидя, склонив голову на шаткий стол и этим сделав его более устойчивым.

Разбудил меня страх, проникший в протрезвевшее, но еще сонное сознание. Я поднял голову от стола – в кафе было темно, хотя из единственного зарешеченного окошка пробивался внутрь устойчивый утренний свет. В голове присутствовала винная тяжесть, но она не очень мешала думать. Я огляделся, подошел к двери – она была закрыта снаружи. Естественно, что в кафе я был один. На сумрачном прилавке так же стояли водочные бутылки. Я нашел выключатель возле входной двери. Включил свет. За стойкой бара увидел электрочайник и банку растворимого кофе. Заглянул в подсобку, нашел там умывальник и умыл лицо. Сделав себе кофе, налил в него пару капель «Фронтальной» водки и снова сел за свой столик. Теперь в голове прояснилось, да и свежесть как-то понемногу стала возвращаться в мое тело. Правда, хотелось есть, но когда пьешь кофе – мысли о еде отходят в сторону. Мои часы показывали полдевятого.

В девять скрежетнул замок входной двери, и в кафе хлынул поток солнечного света.

– А, проснулся! – прозвучал прокуренный, но дружелюбный голос хозяйки. – Чё эт тебя так от одного стакана вырубил-то?

Я пожал плечами.

– А я смотрю, – продолжила она, уже зайдя за прилавок и натягивая белую блузку на серую футболку, – взял-то только один стакан и пришел вроде трезвым, а развезло. Да еще с рюкзаком. Ну, думаю, если вытащу его на улицу и к стенке прислоню – проснется – ни рюкзака, ни одежды не будет... Взяла тебя, голубчика киевского, и здесь оставила...

– А откуда вы знаете, что я из Киева? – удивился я.

Она открыла ключиком какой-то ящик под прилавком и опустила на прилавок мой паспорт.

– Что ж ты думаешь, я буду кого-то без проверки в своем хозяйстве оставлять? На!

Я поднялся, взял свой паспорт и тут же машинально пощупал карман, где вместе с паспортом лежал бумажник.

– Да ты что, голуба? – она усмехнулась. – Ничего я там у тебя больше не искала. А кабы и искала, то где-нибудь пониже, да у пьяненьких-то этого и не найдешь... А ты хозяйственный... Коля... Еще кофе хочешь? Или похмелиться?

– Я бы позавтракал... – осмелев от ее же фамильярности, произнес я.

– Шас, яичницу будешь?

Минут через пятнадцать я уже жадно ел яичницу, а она сидела рядом за столом, придавив его своими острыми локтями, и смотрела на меня внимательно, как мать или следователь. Ее доброта спровоцировала меня на откровенность, и я рассказал ей, что хочу добраться до Мангышлака. Правда, не говорил зачем. Просто, сказал, хочется прикоснуться к пескам, по которым ходил Шевченко.

– Во времена! – вздохнула она. – Раньше то по Ленинским местам, то по Брежневским, а теперь у каждой республики свой идол.

– Ну почему идол? – не согласился я. – Нормальный человек был, в Питере с друзьями гусей воровал и жарил...

– Ну да! – удивилась она. – Как Паниковский!..

Покормив меня, она обслужила «транзитного» посетителя, забежавшего выпить свои утренние сто грамм и тут же умчавшегося дальше.

– До Мангышлака напрямик тебе отсюда не добраться, – сказала она, вернувшись к моему столику. – Если хошь, я разузнаю, как лучше.

– Пожалуйста! – попросил я.

– Ладно. Поработай здесь пока за прилавком, – деловито сказала она. – Вся водка по тыще сто грамм, вино – тыща за стакан. А я через часик вернусь... Да, паспорт дай!

Я протянул ей свой паспорт.

– И еще, – добавила она. – У тебя чем платить есть?

– Немного есть...

Оставшись один в кафе, я стал за прилавок и посматривал оттуда в открытые входные двери, открывавшие мне яркий, весь в солнечном свете поставленный в высоту прямоугольник улицы, изредка пересекаемый прохожими.

Зашел мужик лет пятидесяти, в тельняшке и небритый.

– А Нюрка где? – спросил он.

– Через час будет.

Он кивнул и ушел, ничего не выпив.

Потом зашли две серьезные и со вкусом одетые женщины, тоже в возрасте. Взяли по сто грамм водки. Тут же, не присаживаясь, выпили и ушли.

Наконец вернулась Нюра. Я к этому времени так освоился в кафе, что, казалось, смог бы в нем прижиться и обосноваться без трудностей. Только хотелось ли мне этого? Нет, мне хотелось на Мангышлак, хотя что там меня ждет – неизвестно. Но, может, потому так и хотелось туда добраться? Да и вообще, ждет ли меня там хоть что-то? Не возникни эта глупая ситуация со складом детского питания, никуда бы я сейчас не поехал. Просто был пункт А, из которого надо было бежать в пункт Б. Хорошенькая задачка! В самом деле, ничто так не зовет в путешествие, как опасность для жизни.

– Ну что, голуба, через пару дней рыбзавод пойдет по каналу на Каспий. Хошь, можешь с ними, я договорюсь.

– А куда он плывет?

– Рыбзавод же эт, а не корабль. Он будет на Каспии стоять, потом то ли в Гурьев, то ли куда еще на отгрузку консерв пойдет...

– А как же я до Мангышлака?

– Там разберешься, к нему много суден подходят... У меня там подружка, Дашка, работает. Она тебе поможет...

Этой случайной встречей я остался доволен. Даже прокуренный голос Нюры звучал для моих ушей приятно и заботливо. До отхода рыбзавода я оставался в ее кафе, помогая ей и подменяя иногда. И ночевал там же, отдавая ей на ночь паспорт и оставаясь закрытым снаружи. А через три дня отвела меня Нюра утром в порт и передала с рук на руки своей подружке Даше –

круглолицей женщине лет тридцати пяти, похожей издалика на ярко одетую банку сгущенного молока.

16

Неуклюжая прямоугольная многоэтажка плавучего рыбзавода отвалила от причала в полдень. Я стоял на палубе третьего этажа, и казалось мне, что не рыбзавод отвалил от причала, а сам город оттолкнулся от нас и поплыл куда подальше. Солнце в этот день было особенно зловредным – висело оно вроде бы невысоко, а жарило вовсю. Железо плавучего увальня было так раскалено – хоть яичницу жарь. Окружившую рыбзавод духоту мог разогнать только волжский ветерок, но воздух был неподвижен. Рыбзавод не плыл, а едва заметно полз по гладкой воде, так медленно полз, что даже волжская поверхность не реагировала, оставаясь тревожно неподвижной.

– Эй, котик! Чего стоишь, пошли в каюту! – окликнула меня Даша.

Я вернулся в каюту, которую до этого и рассмотреть не успел, лишь рюкзак закинул и вышел. Каютка была двухместная, маленькая, с квадратным окошком, занавешенным куском салатной материи. В углу у железной овальной двери был умывальник, под ним – мусорное ведро. Под окошком стоял столик с будильником и тяжелой пепельницей из литого стекла. По бокам каюты, как в купе поезда, располагались две узкие койки, аккуратно застеленные, с подушками, стоявшими по-наполеоновски одним углом вверх.

– Вон та твоя, – указала мне Даша на правую койку. – Будешь днем здесь сидеть, а вечером, когда народ пьяный, – гуляй себе по палубам, только не заблудись!

– А плыть долго? – спросил я.

– Смотря куда, – рассудительно ответила Даша. – Тебе ж до этого, до Комсомольца надо?

– До какого комсомольца?

– Ну, залив Комсомолец.

– А зачем он мне?

– Нюра сказала, что ты на Мангышлак хочешь? Так это самая ближняя точка, после Гурьева мы туда пойдем, а потом уже в другую сторону, до Мумры...

Я задумался. Залив Комсомолец? И название какое-то не казахское, да еще и неизвестно, как мне оттуда потом выбраться? Что там есть? Порт? Город? Рыбацкая деревня?

– Даш, а там что, приставать завод будет? – спросил я.

– А чего ему там приставать? Нет, рыбу примем от тралеров, покрутимся денек-два и дальше.

– А как же я сойду?

– Договоримся с каким-нибудь судном, – уверенно пообещала Даша. – Ладно, сиди тут, если захочешь – водка в тумбочке под столиком, вода в кране. Там же в тумбе консервы, если проголодаешься. А мне на летучку надо.

Плавно открылась и закрылась тяжелая овальная дверь. Я остался один. Присел на свою кровать. Потянулся к окошку и, отодвинув самодельную салатную занавесочку, выглянул на волю. Перед окошком, метрах в двух, был виден покрашенный серой краской бортик, за которым проплывал мимо невидимый берег. Только полоска голубого, пропеченного солнцем неба – вот и весь вид из окна на знаменитую волжскую природу.

Я прилег на койку и прислушался к тишине. Тишина оказалась довольно громкой – какие-то глубинные жужжания и шумы, казалось, отовсюду проникали в каюту. Но отсутствие резких звуков делало эти шумы мирными, естественными, как шум природы. Все это было хорошим фоном для размышлений.

Мне вспомнился только что отчаливший город Астрахань. Вспомнился с благодарностью. Я поднес правую руку к носу, понюхал ладонь и улыбнулся устойчивому запаху черной икры. Потом автоматически подставил под нос вторую ладонь, и тут уже крепкий запах корицы победил соленый запах икры. Это меня не огорчило, наоборот – я словно получил еще одно

доказательство разнообразия жизни и ее запахов. И вспомнил Киев, Пушанское кладбище, папку с рукописью, вытащенную из могилы. Дальше вспоминать Киев не захотелось, и я снова понюхал ладонь правой руки. Меня позабавило, как запах мог переключать воспоминания и мысли. Я улыбнулся недавнему прошлому ленивой, немного сонной улыбкой. И задремал.

17

Вечером, вернувшись с работы, Даша отпустила меня «погулять». Чтобы действительно не заблудиться – была у меня такая боязнь – я гулял по своему этажу. Вышел на палубу и минут за двадцать не спеша, останавливаясь и осматриваясь, обошел по периметру всю махину плавучего рыбзавода. По обе стороны от него двигались назад, в сторону Астрахани, далекие, но различимые, скудно обсыпанные зеленью берега. Покрасневшее солнце зависло справа, и видно было, как отступает оно под мощной воздушной волной вечерней прохлады. В воздухе пахло рекой, ветерок ерошил волосы. Вечерняя свежая влажность бодрила. И бодрила, очевидно, не одного меня. Внутри рыбзавода бурлила жизнь. Из его недр по длинным железным коридорам через занавешенные окна кают просачивались на палубу голоса, хохот, крики. И по мере того как солнце, опускаясь под тяжестью вечера, пунцовело и слабело, все громче доносились из недр рыбзавода эти голоса и шумы, и уже не возникало ни малейшего сомнения, что вот-вот они вырвутся на палубу, выплеснутся за борт и где-нибудь вдалеке, на одном из берегов какой-нибудь рыбак, сидя у костра, обернется на далекое плывущее чудище, светящееся десятками квадратиков окон и разливающееся по вечерней Волге множеством голосов.

Стемнело быстрее, чем я ожидал. Как-то внезапно меня обступила темнота, и эту темноту тут же подчеркнул квадрат желтого света, выпавший из окна чьей-то каюты. Я еще стоял, привыкая к темноте. А рядом уже кто-то остановился – две фигуры, два огонька сигарет. Эти сигаретные светлячки то замирали, то описывали дугу – четкую и многократно повторяемую – от бортика палубы ко рту и обратно.

Я прислушивался, ожидая понять по голосам, кто это был. Но они молчали. Молчали минут пять. Вдруг один огонек сигареты падающей звездой полетел за борт, и женский приглушенный голос сказал: «Так этому козлу и надо!» Второй голос, тоже женский, но позвонче, произнес: «Ага!» – и обе фигуры начали удаляться от меня, оставив позади на поручне бортика слабеющий огонек. Я подошел к нему и пальцем спихнул тлеющий бычок за борт. Посмотрел им вслед. Скрежетнул железный овал двери, выходящей на палубу из общего коридора.

Я решил еще постоять. Номер каюты я помнил и, находясь на своем этаже, заблудиться уже не боялся.

Минут через двадцать вернулся в каюту. Даша сидела в ситцевом халате на своей койке. На столике стояла початая бутылка водки, два гранчака и большая чашка с холодной водой.

– Нагулялся? – спросила она.

– Да.

– Выпьешь?

– Чуть-чуть...

Она налила в стаканы граммов по пятьдесят.

– Паскудный день сегодня, – пожаловалась она, протягивая мне стакан.

Я взял стакан, уселся на свою кровать в изголовье, поближе к столику. Посмотрел на Дашу – какую одежду она ни надевала, все равно удивительная округленность ее тела словно выпирала из этой одежды. Округленность эта была как бы продольной, только большая приподнятая грудь нарушала ощущение всесторонней гладкобокости.

– Ты чего впялился? – с улыбочкой спросила Даша. – Красивой бабы не видел? Пей давай!

Чокнулись и выпили. Даша схватила чашку с водой, запила. Потом протянула ее мне. Я тоже отглотнул.

– Есть хочешь? – спросила Даша.

Я кивнул.

Она наклонилась, щелкнула дверцей тумбочки под столом и вытащила оттуда банку рыбных консервов.

– Эт наши, – не без гордости сказала она. – В масле.

Она умело взрезала банку коротким самодельным ножом, каким обычно работают сапожники. Достала из тумбочки две вилки и передала одну мне.

Ели мы громко и с удовольствием. Опустошили банку за пару минут. Потом она спросила:

– Еще?

Я кивнул, и история повторилась. После второй банки на душе наступило умиротворение. Мы выпили еще грамм по пятьдесят.

– Паскудный денек сегодня был... – протянула она, опустив на стол чашку с водой. – Сначала конвейер не запускался, потом замыкание в автоклавном цеху, потом этот козел Мазай... инженер по охране труда... с утра пьяный и всех подряд щупает... Нет, чтоб по-человечески – вечерком, на палубе, а то прямо в цеху! И чего ты щупаешь, если он у тебя висит, как покойник? А? Чего щупать? Тьфу!

Я слушал Дашу, и хоть водка немного расслабила меня, но ее слова заставили немного напрячься, словно я оказался перед львицей, готовой к прыжку. Однако минуты через три я понял, что мои опасения напрасны. Даша переключилась с Мазая на укладку каспийской сельди в бочки и теперь с азартом говорила о вкусе слабозасоленной рыбы.

– Я тебя туда ночью отведу, когда все пьяные. Возьмем из загашника и прямо у бочки, это – как в раю! никогда не забудешь! Ты еще выпьешь?

Я кивнул. Она доразлила водку по стаканам.

– Больше сегодня не будем, – сказала Даша, пряча пустую бутылку под стол. – Экономика должна быть экономной. Терпеть не могу ходить, как тут принято, по каютам под утро и выпрашивать по сто грамм... Свое должно быть своим!

Мы выпили. Она опять запила из чашки, потом отошла к умывальнику, набрала еще холодной воды и вернулась к столику.

– Ты не думай, я – не пьющая, это так, для закалки и борьбы со временем... Делать-то тут нечего. Плынешь, работаешь, пьешь. А как домой приедем или где стоим – тут уже можно и культурно пожить. Книжку купить, в кино... Ты вот сам книжки читаешь?

– Да.

– Хорошее это дело – книжки читать... – Даша кивнула и замолчала, задумавшись.

– Только одного этого мало, – минуты через две добавила она, вынырнув из своих размышлений и уставившись мне в глаза.

Глаза у нее были карие.

В окошко каюты кто-то постучал.

– Чего? – крикнула Даша.

– К тебе можно? – спросил хриловатый женский голос. – Поговорить...

– Нет, нельзя, Катька. Завтра в цеху наговоримся!

За окном прозвучали удаляющиеся не по-женски тяжелые шаги.

– Поговорить ей захотелось! – недовольно мотнула подбородком в сторону окна Даша. – Как Ваську у меня увела – так говорить не хотелось, а как он ее на хрен послал, так сразу «к тебе можно?» Ты если спать хочешь, не стесняйся меня, можешь раздеваться и ложиться. Я сейчас тоже, минут через пять... Выйду, папироску сперва курну...

Она поднялась с койки.

Оставшись один, я быстро снял джинсы и футболку и забрался под легкое одеяло. «Интересно, – подумал я, – а что бы делал Шевченко, окажись он в моей ситуации? Как бы он отнесся к этой Даше? Распространилась бы его жалобная любовь к женщинам и на нее, сильную и по-матерински грубовато-добрую? Ведь и в ней есть что-то от «родины», неважно – от какой. Действительно, словно само собой сравнение напрашивается – женщина-страна. Самодостаточная, решительная, независимая...»

За окошком прошел, негромко матерясь, какой-то мужик. Когда его гулкие шаги затихли, мысли мои побежали уже в другом направлении. Я думал о будущем, о ближнем будущем, навстречу которому я направлялся. «Было бы славно, – подумал я, – если б мне, русскому человеку, удалось найти эти записи Кобзаря. Чем не вклад в развитие дружбы между двумя братскими народами?!.» С этими мыслями я и заснул.

18

Весь следующий день мы плыли по Волго-Каспийскому каналу, который я сперва принимал за Волгу. Но Даша меня просветила.

– Погоди, котик, выйдем в Каспий – так спокойно не будет, – сказала она утром, выглянув в окошко, за которым если что и казалось спокойным, то только синее небо, ведь больше ничего видно не было.

Потом она ушла в свой цех и вернулась только к шести вечера. А я то сидел в раздумье, то дремал. В общем, набирался сил. Вечером бродил по периметру своего этажа, рассматривал обитателей рыбзавода, проходивших мимо в компаниях и поодиночке. Люди как люди, только глаза красные и у некоторых – горят. Я понимал, что жизнь и работа в одном и том же месте чреваты психологическими отклонениями. Помню даже, как что-то нам в школе объясняли о трудностях одиночных и парных космических полетов – в том смысле, что хотеть стать космонавтом и быть им в реальности – это две печальные противоположности. Но, видимо, сравнивать трудности жизни на плавучем рыбзаводе с трудностями космонавтов просто грех. Тут было множество людей, разнополых, разного возраста. И в меру своего развития и воображения они находили себе соответствующий досуг. Да и тот факт, что на мне они даже взгляда не задерживали, показывал, что ни от одиночества, ни от недостатка новых лиц они не страдали.

Я прилег грудью на бортик и смотрел на плывущий вдалеке сероватый берег. Припухшее красноватое солнце висело на краю неба по другую сторону корабля, и поэтому тут особенно ощущалось приближение вечера. Внизу серебрилась вода. Было спокойно и в воздухе, и на душе. И люди, отстучав обувь по гулкому железу палубы, разошлись по местам, где намеревались то ли выпить, то ли просто поговорить.

Набравшись от влажного вечернего воздуха свежести, я вернулся в каюту. Мы снова ели консервы, пили потихоньку водку, запивая водой. И Даша снова ненавязчиво рассказывала о трудовых буднях.

– Завтра запускаем холодильный конвейер и консервную линию, – говорила она твердым голосом. – В холодильнике рыбы дня на четыре работы, как раз, пока начнем прием свежей – холодильник опустошим. Тонн десять консерв закатаем... Жаль, что в холодильнике одни сельдевые... Если и попадетсЯ какая белужка – кто ее заметит, тот и стащит. А я не на конвейере, я на ОТК буду в этот раз... Слушай, а чего ты на Мангышлак? Ты, часом, не маковый гонец?

– Нет, – я мотнул головой. – Я хочу посмотреть форт Шевченко... по его местам побродить...

– А он у вас что? – спросила Даша.

– Да так, поэт, борец за национальную идею...

– Вроде Жириновского?

– Нет, он был тихий, спокойный. Стихи писал про женщин... такие, с жалостью...

– Чё, ему женщин, что ли, жалко было?

– Было, – подтвердил я.

– Интересно, – искренне проговорила Даша. Задумалась. – Я вообще-то стихи не читаю. Про Анжелику читала несколько книг и «Мать» Горького. Горький мне больше понравился, но «Анжелика» – увлекательней. Не помню, кто ее написал... А стихи я и в детстве не любила. Только когда Роберт Рождественский по телевизору читал – слушала. Но это ж только по восьмым мартам он читал...

Она зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Что-то спать хочется, – протянула усталым голосом.

Потом, не обращая на меня никакого внимания, сняла с себя ситцевый в блеклых цветочках халат и осталась в трусах-шортах бежевого цвета и в ситцевом лифчике, тоже в цветочек. Забралась под одеяло.

– Свет выключи! – попросила она. – И водку допей, если можешь. Нехорошо слезы оставлять...

В бутылке действительно оставалось на доньшке, и я вылил остатки водки в свой стакан. Потом выключил свет и со стаканом в руке прошел внутренним коридором на палубный периметр. Облокотился о бортик и посмотрел на воду, отливавшую то ли патиной, то ли старым потемневшим серебром.

На небе горели крупные звезды. Три штуки. Висели они невысоко, а над ними мельтешила прочая звездная мелочь, несметная, как ночная мошкара, сбившаяся вокруг одного-единственного дорожного фонаря.

За моей спиной горело окошко чьей-то каюты, за которым шел громкий веселый разговор. Звенели стаканы, вспоминались случаи из прошлого – обычные, происходящие с каждым по многу раз в жизни. Но тут, под веселье и водку, они слушались внимательно и уважительно, и даже я постоял, замерев, минут пятнадцать. Слушал и улыбался. Какой-то деревенский вечер получался. В руках – стакан с остатками водки. На небе – звезды, за спиной – окошко, за окошком – разговоры. Я допил водку и, вернувшись в каюту, улегся и постепенно заснул под негромкое, но настойчивое похрапывание Даши.

19

На следующий вечер рыбзавод выплывал в Каспий. Ранние звезды ненавязчиво и неярко поблескивали на еще светлом небе. По периметру палубы прогуливались трудящиеся плавучего гиганта. Я стоял у бортика и смотрел на воду – Даша сказала, что как только войдем в Каспий, вода позеленеет.

Мимо с хохотом прошла компания женщин, и в воздухе около меня задержался запах свежей рыбы. Но буквально через полминуты свежий солоноватый ветерок согнал его.

Рыбзавод покачивался на невысоких волнах, и это было для меня новым ощущением. Раньше мне трудно было бы представить, что волнам окажется под силу раскачать эту махину, но теперь я уже понимал, что Каспийское море может все: и освежить, и накормить, и утопить...

– Эй, котик, не простудишься? – раздался за моей спиной голос Даши.

– Так ведь не холодно, – не оборачиваясь, ответил я.

– Тут такие ветерки на Каспии – враз просквозят, – со знанием дела сказала Даша. – Пойдем лучше в каюту.

Утром я проснулся с тяжелой головой. Рыбзавод все еще покачивался – видно, это и было причиной моего беспокойного сна и трудного пробуждения. Даша уже была в цеху. На столике стояла банка «Каспийской сельди», тот самый коротковатый ножик и огурец.

«Заботливая», – подумал я, глядя на оставленный мне завтрак.

Поел, потом умылся. Выглянул за занавеску наружу – небо отливало свинцом. Похоже, что погода менялась к худшему.

Сколько мне еще плыть с ними?

Не то чтобы путешествие это было неприятным, но просто его однообразие начинало меня утомлять: одни и те же консервы, одно и то же море. Только небо позволяло себе менять цвет, а так все одно и то же.

Где-то в коридоре прозвучал неясный, но удивительно громкий механический голос. Я подскочил к двери, приоткрыл ее и прислушался.

«Фельдшеру срочно прибыть в третий цех!» – снова повторил механический голос громкой связи.

Этот голос еще раза три вызывал фельдшера в третий цех, а потом снова стало тихо.

Неожиданно, минут через двадцать в каюту пришла Даша. Она была одета в бывший когда-то белым рабочий комбинезон, на голове – зеленая косынка. Лицо красное и в глазах – огоньки.

– Короткий день! – с улыбочкой сказала она, стягивая косынку и рассыпая по плечам каштановые волосы. – Конвейер остановили...

– А чего? – спросил я.

– ЧП. Девчонки пьяного Мазая в углу зажали и головку ему отрезали. Пока одни держали, Машка эту головку в дозатор бросила, так что она с рыбой в какую-то консерву попала... Там такой хай поднялся! – Даша рассмеялась. – А он бегаёт, конвейер остановил, начал банки открывать – искать среди сельди свой кончик...

– Ну и как, нашел?

– Где там! Пятьсот банок с линии вышло – все не откроешь, да и если б нашел, он что, его обратно бы стал пришивать? А?

Я пожал плечами.

– Сейчас врачи все могут пришить, кроме головы, – сказал я.

– А где у нас тут врачи? У нас тут один фельдшер – Коля, – он раньше ветеринаром был, а потом на людей переучился. Он пришел, облил Мазая обрезаком зеленкой и бинтом замотал

– вот и все пришивание! Вот кто-то консерву купит! Ха! Подумает, что это печень трески попала!!!

Веселья Даши я разделить не смог. Как-то даже грустно стало.

«То ли дело могилы по ночам раскапывать?» – ехидно среагировала на мое настроение моя же мысль. «Ну, могилы – это другое дело, – возразил я ей. – В могиле если кто лежит, так только мертвый, которому все равно – раскопают его могилу или нет. Может, ему даже приятно будет – видишь, мол, и после смерти у кого-то к нему дело...»

Даша, не стесняясь моего присутствия, переделась в розовый сарафан, умыла лицо и руки. Потом, все еще с улыбочкой на круглом лице, уселась на свою койку.

– Ночью шторм будет, так что сегодня пить нельзя, – сказала она. – Кушать хочешь?

Я задумался. А она тем временем наклонилась под стол и вытащила оттуда две банки «Каспийской сельди».

Что-то у меня на лице искривилось, видно, при виде этих банок, и Даша, хихикнув, сказала: «Не бойся! Это старая партия, сюда девчонки ничего не бросали...»

Мы пообедали, но удовольствия от еды я не ощутил.

– Пойду курну, – Даша поднялась и, прихватив с собой две пустые консервные банки, вышла из каюты.

Заштормило часов в восемь. Заштормило внезапно и сильно. Даша уже лежала в койке, а я стоял у борта, крепко схватившись за него руками. Смотрел на черные асфальтовые волны, поднимавшиеся на несколько метров. Эти волны не били в борт, как я сначала ожидал, а пытались вытолкнуть плавучий рыбзавод из воды. Сначала они это делали мягко и легко, но уже через короткое время, набрав силу, они стали поднимать и бросать его, как игрушечный кораблик, и я, испугавшись и чуть не свалившись за борт, ретировался, закрыв за собой тяжелую железную дверь с боковыми зажимами. Вернулся в каюту.

Даша, казалось, спала, хотя обычного ее храпа слышно не было. Во всяком случае никаких звуков она не издавала, лежала лицом к стене. Каюта шаталась, и я шатался вместе с нею, удерживая равновесие. Быстро разделся, лег под одеяло, но почти тут же штормовой удар сбросил меня на пол. Я схватился за железную ножку столика. Поднялся и снова лег на койку. Но минут через десять очередной удар снова сбросил меня на пол.

– Иди сюда, котик! – мягко прозвучал голос Даши. – Ты больно легкий, с таким весом сам на кровати не удержишься!

Вот тогда я и понял причину крупности и округлости большинства работавших на рыбзаводе женщин. Я со своим одеялом перебрался на Дашину койку, и хоть было там тесно, оказалось, что «эта сторона каюты наименее опасна при артобстреле». Да и Даша обняла меня своей тяжелой рукой, ласково удерживая мое легкое тело и защищая этим от грозного каспийского шторма.

Проснулся я, весь пропитанный теплом Даши и запахом рыбы, который почему-то источали ее подмышки. Даша сладко спала, и мне не хотелось ее будить. Поэтому я лежал неподвижно. А чтобы освободить себя от запаха рыбы – подсунул под нос ладонь левой руки. Теперь, в окружении запаха корицы, ничто меня не раздражало.

20

Шторм успокоился к полудню следующего дня. Его сменило по-военному однообразное движение бесконечных невысоких волн. Волны эти были слабыми и даже своей массовостью не могли заставить рыбзавод покачиваться. Он уверенно плыл по своим производственным делам навстречу дальнейшим трудовым успехам, которые, должно быть, приятно выделялись на фоне конвейерной монотонности его жизни. Его двойное движение до сих пор поражало меня. Само понятие плавучего или блуждающего завода, несмотря на свою очевидность, было для меня чем-то фантастическим. И даже мое личное присутствие на его борту еще не доказывало мне окончательно реальность происходящего и окружающего. Хотя, вроде бы, что тут удивительного? Плывет корабль-завод, капитан выбирает его курс, а директор завода следит за производством, и так они вдвоем кормят страну рыбными консервами. Нет, все равно звучит нереально...

Я достал из тумбы под столом банку «Каспийской сельди», вскрыл и, внимательно осмотрев содержимое и не найдя в нем ничего инородного, пообедал.

Даша была в цеху. Я до сих пор не знал, где ее цех – выше или ниже этой палубы? Ну да и не так это было важно. Я-то там не работал.

После обеда постоял у борта, всматриваясь в нервную линию стыка моря и неба. То и дело на маревой, колыхающейся линии каспийского горизонта возникали точки кораблей. И море из-за этого казалось мне маленьким и тесным. Я не боялся этого моря – в нем, должно быть, трудно было бы потеряться... Хотя кто его знает, лучше не пробовать...

Через пару дней Даша сообщила, что следующей ночью будет шхуна, которая меня подбросит до Мангышлака. Я очень обрадовался этой новости и стал с нетерпением ждать пересадки.

Ночная пересадка на рыбацкую шхуну запомнилась мне прежде всего странными металлическими звуками. Шхуна подошла вплотную к борту, и на нее с нижнего периметра сбрасывали мешки с чем-то железным. Сначала мне показалось, что в мешках – консервы, но когда стали действительно сбрасывать консервы, притом не в мешках, а в перетянутых шпагатом картонных коробках, я сразу понял неправильность своей догадки.

А ночная погрузка тем временем продолжалась. Я стоял около коренастого Вани, которому Даша поручила посадить меня на шхуну. Он внимательно следил за происходившим, время от времени перекрикиваясь с находившимися на шхуне двумя рыбаками. Наконец он крикнул: «Все! Долгов нет. Еще этого парнишку возьмете до берега!» И при этом он двинул меня рукой по плечу, отчего я дернулся. Человек внизу кивнул. Ваня бросил мой сине-желтый рюкзак вниз, на шхуну. Рюкзак гулко грохнул на палубу – Даша на прощанье щедро насыпала туда рыбных консервов, и теперь он весил, должно быть, килограммов пятнадцать – двадцать.

– Давай, прыгай! – Ваня посмотрел на меня.

До шхуны было метра три. Она немного колыхалась на волнах. Мне стало страшновато.

– Давай-давай, не дрейфь! – торопил Ваня.

Я перелез через борт и снова замер, зависнув над палубой шхуны.

– Давай, словят они тебя!

Я прыгнул, и действительно, двое рыбаков поймали меня, смягчив мое приземление.

– Марат, заводи! – сказал один из них другому.

Они как-то быстро исчезли на этой небольшой шхуне, оставив меня одного среди мешков, ящиков и сваленных под правым бортом сетей с большими белыми поплавками.

Шхуна дернулась и стала отходить от высоченного борта плавучего рыбзавода. Тут внизу, рядом с водой, было прохладно. Я присел на мешок и тут же вскочил – напоролся задом на

что-то острое. Прощупал руками и обомлел: в мешках вне всякого сомнения было оружие – то ли винтовки, то ли автоматы...

«Вот те на! – подумал я, перебираясь и устраиваясь на ящике с консервами. – Хорошая шхуна, с уловом...»

– Эй, братан, сюда иди! – позвала меня выглянувшая со стороны рулевой кабины фигура.

Я взял свой рюкзак и пошел. Остановился у кабины. Тут же был вход в каюту, располагавшуюся под палубой.

– Степан, – протянул мне руку позвавший меня мужик. – А там, за рулем, Марат...

– Коля, – представился я.

– Выпить хочешь? – спросил Степан.

– Спасибо, нет.

– Ну, захочешь – скажи. Мы-то сами не пьем, но для гостей всегда имеется... Ты, Коля, случайно не маковый гонец?

Второй раз я услышал похожий вопрос.

– Нет, – сказал я, не зная, но догадываясь, что может обозначать данное словосочетание.

– Жаль, – протянул Степан. – А то б тебе работки подбросили... Да ладно, иди полежи...

Мы тебя утречком высадим... Тебе ж все равно где? Лишь бы от жилья подальше? Да?

Я кивнул.

Меня вдруг стало клонить в сон: эта мелкая волна укачивала. Я спустился в каюту и прилег на ближнюю койку. Тут же поплыло перед глазами какое-то цветное пятно. Потом наступила полная темень – это я уже спал, слыша трудолюбивое ворчание спрятавшегося где-то здесь же, под полом каюты, дизелька.

Сквозь некрепкий сон посреди ночи слышались мне какие-то разговоры, бряцанье железа. Потом был удар, и я машинально вжался в койку, выставив правую руку в сторону. Но потом наступило затишье, и снова убаюкивающе заворчал дизелек.

Утром меня разбудили. Я вышел на палубу, и первое, что бросилось мне в глаза – это отсутствие брезентовых мешков, в которых находилось оружие. Картонные ящики с консервами аккуратно стояли, сложенные под левым бортом.

– Вон твой берег! – сказал мне Степан.

Я посмотрел на пустынный и отрожистый грязно-желтый берег. Ничего манящего в нем не было. Внезапное чувство то ли отчаяния, то ли растерянности вдруг сковало меня. Я молчал и смотрел вперед. Под ногами покачивалась палуба, а желтый безликий берег покачивался метрах в ста от нас.

– Шас Марат подрулит, тут глубоко, можем совсем близко подойти. У тебя вода есть?

– Вода? – переспросил я, возвращаясь из своего оцепенения.

– Питьевая.

– Нет.

– Ну ты даешь... – Степан удивленно покачал головой. – Ладно, дадим тебе баллон.

Баллоном он называл пятилитровую пластиковую канистру. Он вытащил ее из каюты и поставил рядом с моим рюкзаком.

– Это ж пустыня, – сказал он немного раздраженно. – Тут тебе ни крана, ни пивной!

Я кивнул, давая ему понять, что сам понимаю свой идиотизм. Надо сказать, что я действительно в этот момент остро ощутил этот идиотизм, благодаря которому оказался черт знает где и собирался через минут двадцать оказаться еще дальше от дорог и от людей. На губах возникла нервная сухость. Я машинально взял пятилитровый баллон, открутил крышку и глотнул воды.

Стало как-то не по себе. Но берег неумолимо приближался. Оставалось до него уже метров сорок или тридцать. Каменное плато, подмытое у основания волнами и ими же зализан-

ное, поднималось метра на два. Через неравные промежутки верхняя линия плато нарушалась, и там уже волна облизывала осыпавшиеся вниз камни, по которым, как по лестнице, можно было забраться наверх.

В какой-то момент шхуну тряхнуло, и Степан, изогнув шею в сторону кабины, крикнул:
– Марат, стопори!

До берега оставалось метра три.

– Давай твои вещички сбросим, чтоб не намокли, – сказал Степан, подходя к рюкзаку.

Раскачав вдвоем рюкзак, мы выбросили его на берег, потом рядом с ним шлепнулась и канистра с водой.

– Прыгай! – сказал мне Степан, кивая головой в сторону берега. – Скоро солнце прижарит – за пять минут высохнешь!

Я попрощался с ним и с Маратом, поблагодарил их и, оттолкнувшись ногами от борта, плюхнулся в джинсах и футболке в мутную каспийскую воду.

– Эй, – окликнул меня Степан, когда я в отяжелевшей от воды одежде выбрался на узкий бережок, упирившийся в неглубокий вымытый волнами грот. – Если что перевезти надо – мы всегда можем! Разыщи! Шхуна «Старый товарищ».

Снова негромко заворчал дизелек, и шхуна медленно поплыла влево, постепенно увеличивая расстояние между собой и берегом. Я проводил ее взглядом, прочитал название на борту. Помахал рукой, хотя на меня уже не смотрели.

По мере того, как «Старый товарищ» удалялся, я все острее и острее ощущал свое одиночество. И вот уже когда и след «товарища» растворился в суетливых волнах Каспия, ко мне пришло неожиданное спокойствие, чувство сродни обреченности. Я перетащил свои вещи наверх, на это странное каменное возвышение, как оказалось, укрытое теплым песком. Осмотрелся по сторонам. Присел на песок рядом с рюкзаком и канистрой. Надо мной светило солнце, и ветерок, несший в себе запах Каспия, сушил мои волосы. Идти никуда не хотелось. Не было у меня ни компаса, ни вообще каких-то знаний о пустыне. Зато была вода и рыбные консервы, но одно не заменяло другого. Надо было настраивать себя на принятие решения, но я понимал, что никакая логика мне не подскажет – в каком направлении идти. Надо было спросить у Марата или Степана, но у меня просто не хватило на это ума.

«Ладно, пока пойду вдоль берега, – решил я. – Может, куда выйду?! Но сначала надо высохнуть...»

Я лег на теплый песок, повернулся на бок. Все равно было как-то неприятно в мокрой одежде. Я встал, разделся догола – только часы на руке оставил – и, разложив одежду на песке, прилег рядом и ощутил себя хозяином огромного нудистского пляжа.

21

Проснулся от жары. В перегретой солнцем голове медленно бродили словно оплавившиеся мысли. Это было похоже на тепловой удар. Я дотянулся до футболки и набросил ее на голову. Одежда моя полностью высохла. Я встряхнул джинсы, и песок легко с них осыпался. Но представить себе, что в такую жару я надеваю джинсы, было трудно. Посмотрел на солнце – оно висело почти по центру неба.

Посмотрел на часы и увидел под стеклом воду, под которой обе стрелки застыли на девяти утра – времени моей высадки на этот берег.

«Ну вот, – подумал, – приближаюсь к условиям Робинзона...»

Постепенно моя голова, покрытая футболкой, остыла, и мысли снова приобрели прочтываемую форму и размеренный ритм. Я собрал всю одежду в рюкзак, надел только спортивные трусы на случай непредвиденной встречи. Хотя кого я мог здесь смутить – даже представить трудно. Решительно осмотрелся и, забросив тяжелый рюкзак на спину, а в правую руку взяв канистру с теплой водой, пошел почти по краю каменного плато, удерживавшего песок от сползания в Каспий. Пошел вслед за давно уже переплывшей горизонт шхуной «Старый товарищ».

Линия берега, повторявшая край каменного плато, была изрезанной и неровной. Я быстро понял, что иногда имеет смысл срезать углы, которыми плато вклинивалось в воды Каспия. Сэкономив силы на этих углах, я прошел не меньше километра прежде, чем почувствовал боль в плечах и усталость ступней, не привыкших к движению по горячему зыбковатому песку.

Останавливаться на привал под палящим солнцем было делом неразумным, и я, найдя очередной провал плато к морю, спустился на мокрый берег и присел в пещерке, выдолбленной волнами. Здесь от внезапного холода по коже побежали мурашки. Перепад температур был невероятный. Пахло сыростью, морем. Солнцу этот кусочек берега был недоступен.

Я снял рюкзак. Вздыхнул, посмотрев на красные полосы от его лямок на плечах.

Захотелось есть, и я достал банку «Каспийской сельди». Открыл ее ножом, этим же ножом поковырялся в кусочках рыбы и, не найдя ничего лишнего, пальцами перебросил кусочки рыбы в рот и запил ее же собственным соком «с добавлением масла», как было написано на банке. Запил еду теплой водой из канистры – на языке остался пластмассовый привкус. Чтобы как-то охладить канистру, опустил ее в воду у берега, между двух камней, отвалившихся когда-то от кромки плато.

Постепенно тело мое привыкло к прохладе, гусиная кожа прошла, и бодрость мало-помалу стала возвращаться.

Я сидел на прохладном камне. Смотрел на море, на косые линии волн, спокойно и монотонно шлифовавшие берег.

«Жизнь прекрасна...» – думалось мне, хотя думалось как-то грустно и с иронией. Сам ли я иронизировал над собой или же мысль эта была каким-то внутренним миражом, причиненным жарой, – не знаю. Хотя если мираж возникает внутри, в форме мысли, да еще и в первый день пребывания в пустыне – это уже совсем печально.

Но мне не было печально. Мне было спокойно и не хотелось ни двигаться, ни уходить из этого укромного прохладного уголка. Мне ничего не хотелось. Разве что просто сидеть и смотреть на море, яркое, блестящее на солнце, от которого я так хорошо спрятался.

Не знаю, сколько времени я просидел у моря, отдыхая и наслаждаясь отсутствием жары. Часы мои – сколько я их ни тряс – идти не хотели. Вода из них то ли вылилась, то ли выпарилась, оставив с внутренней стороны стекла запотелость, сквозь которую с трудом различимы были две застывшие стрелки.

Что-то мне подсказало, что и на солнце уже не так жарко. Линия горизонта вроде бы приблизилась и задрожала сильнее. Должно быть, вечерело.

Я вытащил из воды канистру, надел рюкзак и снова выбрался на песок. И действительно – солнце уже опускалось. Песочный горизонт понемногу краснел. И сам воздух был уже не настолько сухим и горяче-колким.

Я продолжил свой путь, и теперь мне шлось намного легче, чем по недавней жаре. Это открытие заставило меня вспомнить какую-то книгу, в которой путешественники тоже шли через пустыню и шли они только вечерами и ночами.

«Что ж, – подумал я. – Вперед и с песней».

22

Заснул я поздно ночью, в темноте, над которой горели, освещая друг друга, звезды. Песок, подостыв, сохранил в себе солнечное тепло. Воздух, как одеяло, которое невозможно снять, тоже согревал меня. Я накрыл голову футболкой.

Проснулся оттого, что ощутил около лица какое-то чужеродное шевеление. В испуге сдернул футболку и увидел маленького скорпиона. Резко отодвинулся, шурясь от утреннего солнца. Скорпион лениво покрутился на месте и не спеша закопался в песок.

Это утреннее знакомство с местным животным миром взбудрило меня лучше холодной воды, но умыться тоже не мешало. Я пошел к морю. Нашел провальчик, спустился на берег и плеснул в лицо несколько пригоршней прохладного грязно-зеленого Каспия.

Пока было не слишком жарко, я решил, памятуя вчерашнее открытие, использовать это время на дорогу, а когда уже пригреет посильнее – засесть в каком-нибудь гроте на берегу в ожидании вечера.

Не позавтракав, я забросил рюкзак на плечи – он мне показался даже тяжелее, чем вчера. Взял в руку канистру и уже собрался было идти, как вдруг обратил внимание на какие-то следы на песке. Трудно было понять природу этих следов, ведь песок не сохранял четких линий и очертаний. Но следы эти прошлись вокруг места моего ночлега. Я посмотрел на следы, которые сам оставлял на песке – то же самое. Прошелся вдоль своих следов к морю и увидел, что параллельно им метрах в двух – трех такая же цепочка следов опускалась на берег по соседней расщелине.

Озадаченный, я прислушался к окружающей меня тишине, но было тихо, хрустально тихо.

Пожав плечами, но все еще думая об этих следах, я пустился в путь.

Солнце поднималось и уже начинало обжигать меня, проникая даже через накиннутую на голову футболку. Удалось мне пройти пару километров, не больше. Понимая, что рисковать, играя с солнцем пустыни, не стоит, я спустился к морю и присел на прибрежный камень. Опять резкий спуск в тень вызвал движение холода по коже, но этот холод пробежался по телу приятной освежающей волной.

Я позавтракал, выпил воды из канистры. Искупался в море – почему-то вчера мне эта идея не пришла в голову, а сегодня, поплескавшись в прохладной воде, я получил массу удовольствия. И высох за какие-то несколько минут, поднявшись на плато. А высохнув, снова спустился к камню. Сидел на нем, следя за горизонтом и ожидая вечера.

Далекий дрожащий горизонт располагал к размышлениям, и состояние мое было в этот момент таково, что я спокойно воспринимал все, со мной происходящее, и уже не злился ни на себя, забравшегося в безжизненные места со странной авантюрной целью, ни на покойника Гершовича, потревоженного мною и мне же подсказавшего направление этого путешествия. Впрочем, не из-за него я отправился сюда. Скорее угроза неизвестных мне бандитов, планы которых я нарушил, подтолкнула меня в дорогу. Подтолкнула резко, даже не оставив времени на подготовку.

И стало мне вдруг на минутку грустно. Подумал я, что у бандитов память хорошая. Вернусь я в Клев – если вернусь, – они снова объявятся. А у меня и за квартиру не уплачено, и за телефонные разговоры...

Я уставился замороженным взглядом на дрожащую линию горизонта. Увидел какой-то далекий кораблик, который несколько минут плыл прямо по этой линии, а потом исчез, отправившись дальше, за горизонт.

Когда полуденная жара спала и уже, казалось, больше тепла поднимается от песка вверх, чем идет вниз от солнца, я снова взобрался на плато и пошел дальше.

На этот раз я шел долго. Часа четыре. И шел бы еще, если б вдруг не увидел торчащий из песка выцветший на солнце кусок брезента. Простое любопытство заставило меня потянуть этот брезент на себя. Песок не отпускал его, и это меня раззадорило. Я сбросил рюкзак и, расчистив песок над брезентом руками, снова потянул. Брезент немного поддался, но буквально на десять-пятнадцать сантиметров. Я снова разгребал песок руками, пытаясь высвободить жесткий материал. Когда еще сантиметров двадцать брезента вытащились из-под песка, я увидел, что передо мной палатка. Не меньше часа я потратил на то, чтобы полностью высвободить ее из песочного плена. Устал невероятно, и снова стало жарко – уже больше от физических усилий, чем от зависшего на небе солнца. Пот катился с меня частыми каплями, падал на песок и тут же исчезал, только на какое-то мгновение затемнел песок живой влагой. Я присел у этой палатки, отдышался. Несмотря на усталость, я был очень рад находке – ведь словно дом нашел! Теперь можно и от дождя спрятаться, и от солнца... Правда, пойдя сейчас дождь – не захотелось бы мне от него прятаться.

Оставив трофей на песке, я пошел к морю, искупался. А вернувшись, решил вытрусить песок из внутренностей палатки и подумать о возможном ее использовании ближайшей ночью, тем более, что тело требовало отдыха.

Немного запутавшись в веревках, я все-таки распустил их и распластал палатку на песке. Потом отыскал вход и, взяв с противоположного конца, потрянул палатку. Внутри что-то зашуршало. Потрусив еще и видя, что песок изнутри почти не сыплется, я залез рукой внутрь, немного опасаясь наткнуться на какого-нибудь скорпиончика. Но мне повезло. Представителей местной фауны в палатке не оказалось, зато я вытащил оттуда пожелтевшую газету. Каково же было мое удивление, когда, взяв ее в руки, я прочитал название: «Вечерний Киев». Тут меня хватил столбняк и продержал несколько минут в таком состоянии.

Номер «Вечернего Киева» за 15 апреля 1974 года просто ошарашил меня. Немного придя в себя, я снова засунул руку в брезент палатки, вытащил оттуда коробку спичек и фотоаппарат «Смена». Больше внутри ничего не было.

Хозяином палатки, скорее всего, был путешественник-одиночка. Если судить по газете, то выехал он из Киева 15 апреля далекого 1974 года. Вот и все, что о нем известно. А сам он, должно быть, растворился в песке. И я машинально осмотрел напряженным взглядом песок, боясь увидеть следы высушенной солнцем мумии.

Взгляд вернулся к фотоаппарату «Смена». Я расчехлил его, осмотрел. Внутри вроде бы была пленка, почти до конца отснятая – в окошечке отснятых кадров стояло «34». Значит, оставалось там еще два кадрика...

К усталости присоединился неопределенный страх. Припомнились следы вокруг места моего ночлега... Я призадумался.

«Может, пограничники? – была первая мысль. – Это ведь уже не СССР, а Казахстан!» – «А чего бояться? – возникла вторая мысль. – Ну обошли вокруг тебя, но ведь не тронули, не разбудили и документов не потребовали!» – «Вас послушать, так, наоборот, радоваться надо тому, что рядом существует какая-то жизнь, проявляющая ко мне живой интерес... – сказал я этим мыслям. – А я уже устал от интереса ко мне... Мне было бы веселее, если б никто вообще не знал о моем существовании...»

Несмотря на усталость, смутный страх заставил меня собрать вещи, уложить фотоаппарат в рюкзак и, взяв в руки канистру и палатку, пройти с километр и только там уже устраивать ночлег.

Эту ночь я спал некрепко, но удобно, постелив на песок найденную палатку. Иногда вдруг просыпался и прислушивался. Но тишина успокаивала, и я снова нырял в неглубокий сон до следующего внутреннего сигнала тревоги.

23

Следующим утром я прошел еще несколько километров вдоль края прибрежного плато. Линия берега уходила влево. Однообразное дрожание окружавших меня горизонтов: и морского, и пустынного, размытого теплым маревом, словно в той точке земля переплавлялась в небо или наборот, – вызывало во мне раздражение. Я уже не искал взглядом в море корабли и не осматривал жадно пустынные дали. Просто шел вперед, не будучи до конца уверен в правильности выбранного направления.

В канистре оставалось не больше двух литров воды, хотя мне казалось, что расходую ее я более чем экономно, не говоря уже о том, что умываюсь только в море. Но эта приятная побулькивающая в канистре тяжесть создавала уверенность в безопасности моего пребывания в пустыне. А тяжесть в рюкзаке создавала уверенность в сытости, пусть и однообразной.

Палатка частично свисала с рюкзака, но я уже рассчитал, что если съесть еще пять-шесть банок консервов, она войдет в рюкзак полностью.

В общем, движение мое вдоль Каспийского берега было как бы и стихийным, и спланированным одновременно. Кроме того, какая-то вера или даже уверенность в случае – конечно, в счастливом случае – тоже ободряла и воображение, и тело. Ведь найденная одноместная палатка тоже относилась к разряду счастливых случаев. Кто знает, что еще я найду?

И так я шел, пока жара не стала невыносимой. Ощувив легкими иссушающую силу раскаленного солнцем воздуха, я прекратил свой путь и спустился на берег. Отыскал удобный камень, застелил его палаткой и устроился на нем основательно, словно бывалый путешественник.

Автоматически бросил взгляд на часы, но время они не показывали. Застывшие стрелки только напоминали о моей высадке на этот пустынный берег. Напоминали о недавнем прошлом.

Первым делом я охладил в каспийской воде свой обед: банку каспийской сельди. Опустил в воду и пластмассовую канистру. Подождал с полчаса, потом, поев, прилег на этом же камне, наслаждаясь влажной каспийской прохладой. Задремал в тени, слушая негромкие всплески волн. Сквозь дрему ловил кожей лица порывы каспийского ветерка и мысленно пытался задерживать их прикосновения, словно это были пальцы женщины, ласковые, нежные, легкие.

А время незаметно проходило, подталкивая солнце к вечеру, к закату. И еще в дреме я ощутил приближающийся вечер, хотя до него было еще далеко – просто морской ветерок стал смелее и поверхность Каспия блестела на невидимом мне из грота солнце не так ярко, как несколько часов назад.

Надо было продолжать путь. Выбравшись на плато, я двинулся вперед.

Когда солнце уже пунцовело, зависнув над морем, впереди показались очертания невысоких то ли гор, то ли холмов. Что-то внутри меня встрепенулось. Несмотря на усталость, я прибавил шаг, словно собирался этим же вечером достигнуть их. Но рывок мой был скорее душевного происхождения. Тело его не поддержало. Заныли плечи, и в ногах из-за ускоренного шага я ощутил тяжесть. Так что очень скоро я остановился, понимая, что мой сегодняшний переход окончился и наступило время привала.

Со стороны моря доносился шум – волны поднялись выше обычного. Солоноватый прохладный ветерок выносил их запах на плато. Мне показалось, что вместе с шумом моря я слышу шепот ползущего песка. Посмотрел внимательно себе под ноги и вроде бы действительно увидел какое-то движение, но от усталости и от недавней яркости солнца глаза мои не смогли острее всмотреться в состояние песка. Я присел на корточки. Посмотрел на свои ноги и с этого небольшого расстояния увидел, как осыпаются возле ног малюсенькие барханчики.

Ветер здесь, кажется, был ни при чем, просто каждый мой шаг заставлял песок двигаться, вдавливаясь, осыпаться в мои следы-ямки.

Но ветер усиливался, на море собирался шторм. Не зная чего больше бояться – самого шторма или ветра, этот шторм поднимающего, я решил отойти подальше вглубь и уже там обосноваться на ночь. Прошел метров восемьсот, нашел в песке небольшую ложбинку, словно призасыпанный след какого-то гиганта. Увидел, что ветер пролетает над этим местом, не дотрагиваясь до песка. Мне показалось, что ветер с каждым своим порывом становится все холоднее, и поэтому, устраиваясь на ночлег, я просто забрался внутрь палатки, как в спальный мешок. Все вещи тоже затянул под брезент и только голову высунул, лежа на спине. Смотрел в небо, но звезд не видел. Вообще ничего не видел. Там, где совсем недавно синело небо, теперь ничего не было.

Ветер шумел ровно, иногда вдруг ускоряясь и переходя в шипящий свист. Я ощутил беспокойство. Ветер приносил звуки моря, эти звуки долетали обрывками, но с каждым таким обрывком во мне возникал страх и казалось, что песок под моей палаткой-спальным мешком начинает покачиваться, шататься. Тело вспомнило шторм, который я пережил на плавучем рыбзаводе. Я перевернулся на живот и влез глубже под брезент палатки. Слева от меня лежал рюкзак, справа – канистра с водой.

Я не знал, что брезент обладает звукопоглощающими качествами. Как только я залез в палатку – ветер почти затих, а темнота и тепло успокоили тело. Я забросил руку на лежавший рядом рюкзак. Ладонь прошла по его боку и нашла ровное и мягкое место. И осталась там. Я и задремал. Но дремать мне пришлось недолго – уже минут через двадцать усилившийся ветер засвистел надо мной и бросил на брезент пригоршню песка. Я вздрогнул. И снова ощутил страх. Мне стало понятно, как эта палатка оказалась под грудой песка. Но оставалось неизвестно – куда делся ее бывший владелец. Может, бросил ее к черту, устав бороться с песком. Бросил и ушел куда-нибудь. Может, его заметили с моря рыбаки и забрали?

А ветер, которому и дела не было до моих размышлений, снова хлопнул невидимым парусом, и от этого удара новая волна песка хлынула на палатку. Я высунул из-под брезента голову, потом выбрался полностью и посмотрел вокруг. Было не так уж и темно. Я потряс верхний брезент, сбросил с него песок. Песка там оказалось совсем немного, просто когда лежишь, чутко вслушиваясь в происходящее всем телом, любой звук, любое движение проходят через тебя, как через усилитель.

Увидев, что от ветра больше шума, чем опасности, я немного успокоился и снова забрался в палатку.

Снова меня потянуло в дрему. Я опять обнял рюкзак и заснул под неритмичный шум ветра.

Часа через два меня разбудила какая-то тяжесть. На моей спине, поверх укрывавшего меня брезента, что-то лежало. Испуг сковал меня, и, пока сон уходил, я лежал неподвижно. Потом пошевелился и услышал какое-то шипение. Медленно повернулся на бок и почувствовал, как уменьшается тяжесть, придавившая меня. Уже смелее я приподнялся на локтях, не выбираясь из брезента, и тяжесть скатилась куда-то. Я понял, что ветер едва не занес меня песком. Выбравшись наружу, я отряхнул поверхность палатки и снова залез внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.